DK
211
.5
Рук

С. Г. Рункевичъ.

ИЗЪ ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ НАШЕГО СТОЛѢТІЯ.

Письма къ бывшему оберъ-прокурору Св. Синода С. Д. Нечаеву:

	стр.		стр.
А. С. Стурдзы	4	Архим. Фотія	30
Ѳ. А. Голубинскаго	26	А. С. Пушкина	37

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Товарищество «Печатня С. П. Яковлева». Невскій пр., д. №
1896.

ccr 4/1

390
37

Изъ церковно-общественной жизни второй четверти нашего столѣтія.

Письма къ бывшему оберъ-прокурору св. синода С. Д. Нечаеву.

Церковно-общественная жизнь второй четверти текущаго столѣтія носитъ любопытную окраску. Мистицизмъ Александрова вѣка, съ его широкими задачами и несбыточными мечтами, постепенно, медленно, но безповоротно угасалъ, какъ пламя лампады, въ которой уже не оставалось елея. На сцену жизни бодро и смѣло пробивались различныя практическія вѣянія и направленія,—практическія не только въ смыслѣ опредѣленности ихъ задачъ и полной осуществимости въ жизни, а главнымъ образомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы объ иномъ поступкѣ говоримъ: „это практично“, или объ иномъ человѣкѣ: „это практичный человѣкъ, практикъ“. Эти практическія вѣянія и направленія въ церковно-общественной жизни сформировались потомъ въ такъ называемыя „протасовскія времена“, когда, между прочимъ, получило господство стремленіе поставить и духовное сословіе на военную ногу.

Была ли борьба между этими двумя направленіями изъ-за права господства въ жизни?—Нѣтъ.—Были жертвы увлеченій мистицизма, сектанты, очень не малочисленные, но ихъ печальный конецъ зависѣлъ скорѣе отъ государственнаго строя, нежели отъ перемѣны направленія общественной жизни. Всякое „направленіе“, какимъ бы величественнымъ и могущественнымъ оно ни казалось въ минуты расцвѣта, рано или поздно имѣетъ свой конецъ. Только одна истина *пребываетъ во вѣкъ*. Мистицизмъ угасалъ потому, что онъ самъ одряхлѣлъ, изжился. И странную можно было наблюдать картину въ обще-

ственной жизни этого времени. Прежніе столпы мистицизма, по свойственному каждому человѣку непреодолимому желанію удержать за собою поле жизни и власти, спѣшили склонять свои сѣдыя головы предъ новыми вѣяніями, инстинктивно чувствуя, что побѣда достанется этимъ вѣяніямъ. Но *новыя заплаты* были не къ лицу *старымъ мѣхамъ*. Новыя вѣянія были несены и людьми новыми; эти новые люди скоро и стали въ переднихъ рядахъ.

На рубежѣ двухъ описанныхъ нами теченій жизни началъ свою церковно-общественную дѣятельность и скоро ее закончилъ Степанъ Дмитріевичъ Нечаевъ, бывшій оберъ-прокуроромъ Св. Синода съ 7 апрѣля 1833 по 25 іюня 1836 года.

С. Д. Нечаевъ былъ сынъ данковскаго уѣзднаго предводителя дворянства, началъ государственную службу съ 16 января 1811 года актуаріусомъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, 1 апрѣля того же года, по высочайшему повелѣнію, былъ опредѣленъ къ рижскому военному губернатору, генералу-отъ-инфантеріи, князю Лобанову-Ростовскому, именнымъ указомъ 23 января 1812 года „произведенъ въ переводчики“, во время ополченія двѣнадцатаго года принималъ участіе „въ формированіи разныхъ войскъ“ во Владимирѣ и Арзамасѣ, 12 декабря 1812 года возвратился въ коллегію „съ одобреніемъ ревностной службы“, 17 октября 1814 года перешелъ въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія, будучи назначенъ почетнымъ смотрителемъ скопинскихъ училищъ, 18 сентября 1818 года утвержденъ въ званіи директора училищъ тульской губерніи, 9 января 1824 года опредѣленъ въ канцелярію военнаго генералъ-губернатора для особыхъ порученій, 15 мая того же года, по соизволенію государыни императрицы Елизаветы Алексѣевны, утвержденъ въ должности казначея и секретаря по московскому дому трудолюбія. Новое царствованіе С. Д. Нечаевъ ознаменовалъ пожертвованіями въ пользу разныхъ благотворительныхъ учрежденій. 18 марта 1826 года онъ былъ опредѣленъ членомъ комитета московской глазной больницы, 10 мая того же года попечителемъ глѣбовскаго подворья, 31 іюля отряженъ въ канцелярію статсъ-секретаря Лонгинова для письмоводства бывшаго въ Москвѣ комитета для разсмотрѣнія про-

шеній, на высочайшее имя подаваемыхъ, 28 сентября откомандированъ, по высочайшему, повелѣнію въ помощь флигель-адъютанту графу Строгонову 2-му по порученнымъ ему изслѣдованіямъ въ пермской губерніи; разультатомъ этой командировки явились обширныя его записки о состояніи раскола въ пермской губерніи, недавно изданныя Н. И. Субботинымъ въ „Братскомъ Словѣ“. 13 іюня 1827 года Степанъ Дмитріевичъ былъ причисленъ къ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, 1 декабря 1828 года, въ чинѣ коллежскаго совѣтника, именнымъ высочайшимъ указомъ Св. Синоду, опредѣленъ за оберъ-прокурорскій столъ Св. Синода (должность, отчасти соотвѣтствующая нынѣшней должности товарища оберъ-прокурора). Оберъ-прокуроромъ Св. Синода въ то время былъ князь П. С. Мещерскій, родственникъ С. Д. Нечаева по женѣ. 6 апрѣля 1829 года Степанъ Дмитріевичъ получилъ чинъ статскаго совѣтника и былъ назначенъ членомъ Комиссіи духовныхъ училищъ, 8 декабря 1831 года былъ возведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники [1]). 25 іюня 1836 года Степанъ Дмитріевичъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники и опредѣленъ присутствующимъ въ сенатѣ, съ оставленіемъ членомъ Комиссіи духовныхъ училищъ. Послѣ этого онъ поселился въ Москвѣ и прожилъ тамъ до кончины, въ собственномъ домѣ на Дѣвичьемъ полѣ, въ званіи президента комитета о просящихъ милостыни, отдавая свои досуги дѣлу благотворительности. Въ это время онъ забросилъ свои занятія стихотворствомъ, надъ которымъ трудился въ молодые годы, и свободное время теперь посвящалъ астрологіи, вмѣстѣ съ немногими своими интимными друзьями, пытаясь въ положеніи и движеніи свѣтилъ небеснаго свода найти откликъ многомятежной человѣческой жизни, съ ея неразгаданными тайнами и неизвѣстностью будущаго.

Въ май-іюньской книжкѣ „Христіанскаго Чтенія“ за прошлый годъ нами были напечатаны письма къ С. Д. Нечаеву архимандрита Игнатія Брянчанинова, любезно сообщенныя намъ старшимъ сыномъ покойнаго Степана Дмитріевича Дмитріемъ Степановичемъ Нечаевымъ. Теперь печатаются полу-

[1]) Архивъ Канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода. дѣло 1828 г., № 5815.

ченныя отъ того же лица письма къ С. Д. Нечаеву А. С. Стурдзы, протоіерея Ѳ. А. Голубинскаго, извѣстнаго архимандрита Фотія и неизданное доселѣ письмо А. С. Пушкина.

I.

Письма А. С. Стурдзы.

„Имя Стурдзы недавно еще гремѣло по всей Россіи; съ любовію и уваженіемъ произносилось оно въ особенности образованнымъ духовенствомъ и людьми благочестивыми, ищущими въ чтеніи духовнаго назиданія; сочиненія его расходились въ огромномъ количествѣ. Въ настоящее время это досточтимое имя почти забыто; рѣдко оно появляется на страницахъ періодическихъ изданій; мало и немногими нынѣ читаются сочиненія Стурдзы“. Такъ писалъ въ 1876 году въ „Духовной Бесѣдѣ“ біографъ А. С. Стурдзы; въ настоящее время эти слова можно повторить съ тою лишь прибавкой, что теперь, позволительно сказать, вовсе не читаютъ сочиненій Стурдзы. Причиною скораго забвенія писаній благочестиваго тайнаго совѣтника является безспорно своеобразная ихъ односторонность, узость кругозора, отсутствіе заповѣданной Христомъ *всеобъемлющей* любви, нетерпимость къ чужой мысли при непоколебимомъ убѣжденіи не только въ своемъ правовѣріи, но и въ своемъ правомнѣніи и правомысліи. Обладая такими качествами, творенія Стурдзы, не смотря на всю ихъ благонамѣренность, на все ихъ благочестіе, все-таки не лишены нѣкоего горделиваго *кваса фарисейска*. Но забытый для современности, Стурдза оставилъ несомнѣнный слѣдъ въ исторіи, и его имя въ исторіи духовной литературы первой половины нашего вѣка безспорно займетъ одно изъ видныхъ мѣстъ.

Александръ Скарлатовичъ Стурдза родился въ г. Яссахъ, въ Молдавіи, 18 ноября 1791 года. Вскорѣ послѣ этого времени его родители переселились въ Россію, которая сдѣлалась для него второю родиной. „Сынъ переселенцевъ, я не знаю моей родины“,—писалъ впослѣдствіи А. С. Стурдза,—„имѣю о ней понятіе только по воспоминаніямъ моихъ родныхъ. Россія—моя страна, мое отечество; все привязываетъ меня

къ ней: вѣра, служба, привычка и мое сердце". Въ 1809 году, получившій прекрасное домашнее воспитаніе, Стурдза поступилъ на государственную службу—въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Въ достопамятный двѣнадцатый годъ онъ былъ командированъ на берега Дуная, оттуда двигался назадъ въ составъ западной арміи; послѣ изгнанія „двадесяти языкъ" оставался нѣкоторое время въ Петербургѣ, а потомъ былъ опредѣленъ въ Вѣну и Парижъ, подъ начальство графа Каподистріи, съ которымъ онъ сошелся еще въ 1812 году. Въ 1816 году Стурдза вернулся въ Петербургъ. Въ 1818 году его взялъ къ себѣ въ вѣдомство министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князь А. Н. Голицынъ, пригласивъ принять участіе въ трудахъ главнаго правленія училищъ, гдѣ членомъ состоялъ, въ числѣ другихъ, и Филаретъ, впослѣдствіи митрополитъ московскій, а тогда еще викарій ревельскій.

Съ ранняго дѣтства Стурдза явился данникомъ вѣяній того благочестиваго настроенія съ мистическимъ оттѣнкомъ, которое господствовало въ нѣкоторыхъ сферахъ высшаго общества одно время въ первой четверти нашего вѣка. Еще будучи едва двадцати лѣтъ, Стурдза написалъ „Опытъ о таинственномъ, служащій введеніемъ къ теоріи о таинственныхъ чувствахъ"; „опытъ" этотъ не былъ напечатанъ. Черезъ годъ юный Стурдза написалъ новый „опытъ" — „Объ основныхъ законахъ природы человѣка и общества". Но скоро онъ съ отвлеченно-философской и мистической точки зрѣнія перешелъ на религіозную почву, и въ 1816 году явились уже, изданныя на французскомъ языкѣ, его „Размышленія о ученіи и духѣ православной Церкви", принесшія ему благодарственныя посланія патріарховъ константинопольскаго (Кирилла) и іерусалимскаго (Поликарпа) и переведенныя на языки нѣмецкій, англійскій и греческій; въ этихъ разсужденіяхъ Стурдза мечтаетъ о „примиреніи между всѣми христіанскими исповѣданіями, разсѣянными по землѣ", о собраніи „всѣхъ *колѣнъ* подъ единое знамя креста" и водвореніи „вездѣ поклоненія духомъ и истиною". Обстоятельства жизни складывались такъ, что могли только усиливать религіозную настроенность Стурдзы. Въ 1817 году, вскорѣ послѣ брака, умерла его жена; умеръ горячо любимый отецъ, наставникъ его въ духовной жизни;

скончалась нѣжно любимая младшая сестра, съ которою они въ дѣтствѣ вдвоемъ дали обѣщаніе жить только для Бога и для своихъ родителей; къ тридцати годамъ онъ самъ имѣлъ опасность потерять зрѣніе и принужденъ былъ оставить занятія (въ 1822 году) и поселиться сначала въ деревнѣ, гдѣ тотчасъ же устроилъ церковно-народную школу, а потомъ уѣхалъ въ безсрочный отпускъ въ Одессу. Вторая жена его оказалась болѣзненною, требовавшею постояннаго лѣченія за границей, и заграничныя путешествія, предпринимаемыя обыкновенно для развлеченія, для Стурдзы были покрыты дымкою печали.

Война за освобожденіе Греціи сдѣлала имя Стурдзы, можно сказать, извѣстнымъ всему свѣту, какъ организатора и ревностнаго дѣятеля по устройству въ пользу грековъ двухъ сборовъ пожертвованій по всей имперіи. Собранныя деньги пошли частію на содержаніе бѣглецовъ—грековъ, частію на выкупъ плѣнныхъ. Въ 1828 году Стурдза вернулся къ службѣ и былъ посланъ въ Бухарестъ, гдѣ ему дано было особенное полномочіе управлять походною канцеляріею министра иностранныхъ дѣлъ въ продолженіе всей турецкой войны. Онъ трудился въ это время также съ президентомъ освобожденной Греціи, давнимъ своимъ другомъ, графомъ Каподистріей надъ административнымъ преобразованіемъ освобожденныхъ странъ. Но служебная звѣзда Стурдзы уже клонилась къ закату. Огорченный, что не все шло согласно съ его желаніями и взглядами, Стурдза отказался отъ дипломатическаго поприща, не нашелъ сочувствія и въ своемъ прежнемъ вѣдомствѣ—министерствѣ народнаго просвѣщенія: въ 1830 году, съ чиномъ тайнаго совѣтника, А. С. Стурдза вышелъ въ отставку, чтобы остальное время своей жизни, по его словамъ, „служить только Богу“. Онъ поселился въ Одессѣ и вмѣстѣ со своею единственною оставшеюся въ живыхъ сестрой Роксоланой, бывшей въ замужествѣ за графомъ Эдлингомъ, занялся дѣлами благотворительности. Въ это время, содѣйствуя одесскому дамскому благотворительному обществу, онъ издалъ два альманаха, въ 1834 году, русскій и французскій—„Приношеніе бѣднымъ“ и „Сборище подаяній“. Въ 1836 году онъ снова предпринялъ поѣздку по Западной Европѣ, подъ предлогомъ посѣщенія своего тестя, нѣмецкаго ученаго врача Христофора

Гуфеланда, который и скончался въ это время. Проѣхавъ по Германіи, Швейцаріи, видѣлся съ многими учеными, провелъ зиму въ Берлинѣ и весною слѣдующаго года вернулся въ Одессу. Здѣсь онъ принималъ дѣятельное участіе въ общественной жизни: былъ депутатомъ чумной комиссіи, душею и вице-президентомъ общества земледѣлія южной Россіи, учредителемъ „Общества исторіи и древностей Новой Россіи“, однимъ изъ основателей одесскаго женскаго архангельскаго монастыря, имѣющаго цѣлію, между прочимъ, воспитаніе дѣвочекъ. Въ 1843 году Стурдза въ послѣдній разъ посѣтилъ родную Молдавію; здѣсь, по порученію своего двоюроднаго брата, молдавскаго владѣтельнаго князя Михаила Стурдзы, онъ преобразовалъ сокольскую семинарію, но скоро разошелся въ воззрѣніяхъ со своимъ братомъ и вернулся въ Россію Въ 1844 году смерть похитила его нѣжно любимую сестру Роксолану, ставшею для него „второю матерью“. Въ слѣдующемъ году умеръ его второй внукъ; смерть эта также очень опечалила его. Тогда же разстроенное здоровье жены заставило его снова предпринять заграничное путешествіе и всю зиму провести въ Италіи. Здѣсь онъ перевелъ на французскій языкъ и издалъ литургію св. Іоанна Златоустаго; также перевелъ нѣсколько поученій извѣстнаго архіепископа херсонскаго Иннокентія на французскій и греческій языкъ и издалъ ихъ въ Монпелье и Аѳинахъ; вернувшись въ Россію, онъ переводилъ еще нѣкоторыя слова митрополита московскаго Филарета, напечатанныя въ Парижѣ въ 1847 году. Вернулся въ Россію Стурдза въ 1847 году и уже не покидалъ ее до самой смерти. Онъ проживалъ большею частью въ Одессѣ. изрѣдка отъѣзжая на свою дачу, на берегу моря, или въ свое имѣніе въ Бессарабіи, или, наконецъ, въ имѣніе своей дочери. Съ 1848 года онъ всѣ свои силы посвятилъ учрежденію въ Одессѣ первой въ Россіи общины сестеръ милосердія, которая и была открыта въ 1850 году, 21 ноября.

Годы и болѣзни брали свое; тѣло отягощалось немощами; болѣзненный организмъ разрушался; но свѣтлый духъ достопочтеннаго человѣка бодро горѣлъ, не зная устали. „Ахъ, какъ тягостно духу человѣка обитать при увяданіи жизни, въ развалинахъ этого бреннаго тѣла!“—говорилъ угасавшій въ тѣлѣ

старецъ своей дочери. Давно ожидавшій кончины, давно къ ней готовившійся, А. С. Стурдза скончался въ Манзирѣ, въ Бессарабіи, 13 іюня 1854 года, когда въ неудачахъ нашей турецкой войны и, пока легкихъ еще, бомбардировкахъ непріятельскимъ флотомъ Одессы, слышался уже печальный похоронный звонъ самымъ завѣтнымъ мечтаніямъ его о побѣдѣ креста надъ полумѣсяцемъ. За шесть дней до кончины, Стурдзу поразилъ нервическій ударъ, отнявшій у него всю лѣвую половину тѣла и лишившій способности говорить и узнавать. Но ко времени отхода его души въ вѣчность, лицо его просвѣтлѣло, спокойствіе разлилось во всѣхъ чертахъ, и дѣятельная, достойная жизнь тихо угасла. Душа *непостыдно* и *мирно* разсталась съ бреннымъ тѣломъ и съ спокойствіемъ необманываемой надежды, питаемой вѣрою, ушла съ *добрымъ отвѣтомъ къ страшному судищу Христову.*

Въ печатаемыхъ ниже письмахъ Стурдзы къ С. Д. Нечаеву разсыпано не мало цѣнныхъ и отчасти новыхъ указаній какъ автобіографическаго свойства, такъ и о разныхъ событіяхъ того времени, не мало также цѣнныхъ сужденій по разнымъ вопросамъ духовнаго характера: о духовной цензурѣ, о нищихъ, о противникахъ Церкви, о монашествѣ. объ иновѣрной миссіи.

Мы не знаемъ, когда началось знакомство А. С. Стурдзы съ С. Д. Нечаевымъ. Можно по нѣкоторымъ даннымъ судить, что это знакомство началось при посредствѣ жены Степана Дмитріевича Софьи Сергѣевны, урожденной Мальцовой. Изъ сохранившихся въ бумагахъ Нечаева писемъ къ нему Стурдзы къ самому раннему времени относится слѣдующая

Записка.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Стурдза писалъ къ князю Александру Николаевичу [1]) и къ Степану Дмитріевичу о духовной пользѣ, могущей произойти отъ распространенія въ Россіи, между греками, журнала, издаваемаго въ Аѳинахъ, подъ заглавіе *„Евангельская Труба“*. Издатель онаго, іеромонахъ и проповѣдникъ Германъ, ободренный побужденіями къ сему богоугод-

[1]) Голицыну.

ному предпріятію находящагося при русскомъ посольствѣ архимандрита Иринарха [1]), вступилъ въ борьбу съ зломыслящими и

[1]) Русская духовная миссія въ Аѳинахъ, въ составѣ архимандрита, іеродіакона, двухъ церковниковъ и 8 пѣвчихъ, учреждена по волѣ императора Николая I въ 1833 году. Начальникъ миссіи былъ избранъ самимъ государемъ, архимандритъ Иринархъ, 47 лѣтъ, происходившій изъ духовнаго званія, магистръ петербургской духовной академіи, съ 1817 года нѣкоторое время состоявшій инспекторомъ орловской семинаріи, въ 1819 году, въ званіи іеромонаха, отправленный въ Италію, въ качествѣ капеллана, къ маркизѣ Терци, урожденной княжнѣ Голицыной, а въ 1824 году, въ томъ-же качествѣ, опредѣленный къ императорскимъ посольствамъ во Флоренціи и Римѣ, въ 1831 году вернувшійся въ Россію, гдѣ онъ получилъ тотчасъ же настоятельство въ первоклассномъ толгскомъ монастырѣ, ярославской епархіи, и теперь былъ въ Петербургѣ, вызванный на чреду священнослуженія іеродіакона и церковниковъ выбралъ Св. Синодъ, по рекомендаціи петербургскаго митрополита Серафима, изъ Александро-Невской лавры: іеродіакона Парѳенія и послушниковъ Аѳанасія Каменева и Ѳедора Богданова, 22 и 19 лѣтъ. Съ пѣвчими вышло было небольшое затрудненіе: два баса, изъ семинаріи, Василій Зряховъ и Василій Орловъ, два тенора, изъ семинаріи же, Александръ Городумовъ и изъ петропавловскаго уѣзднаго училища Михаилъ Зреловъ, и два альта, изъ училища, Семенъ Ивановъ и Иванъ Орловъ, были найдены безъ труда, а дискантовъ годныхъ нигдѣ не оказывалось къ отпуску безъ ущерба для хоровъ; наконецъ, были найдены и два дисканта—въ училищѣ Левъ Семеновъ и въ хорѣ Казанскаго собора Дмитрій Братолюбовъ. Пѣвчіе предварительно были испробованы въ своихъ способностяхъ и свойствахъ своего голоса митрополичьимъ регентомъ Качановскимъ, и многіе забракованы изъ желавшихъ отправиться въ Аѳины. По поводу недостатка въ дискантахъ, консисторія сносилась съ азіатскимъ департаментомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, что такъ какъ въ высочайшемъ повелѣніи не сказано, какихъ именно голосовъ должны быть пѣвчіе, то нельзя ли ограничиться одними «большими, такъ какъ дискантовъ найти трудно, и сіи голоса не могутъ быть благонадежны, ибо отъ дороги и перемѣннаго климата могутъ перемѣниться». Департаментъ отвѣтилъ, что «государю императору благоугодно было повелѣть соблюсти все должное приличіе и благолѣпіе по церкви», а «о составѣ хора пѣвчихъ департаментъ не можетъ изложить никакого мнѣнія». Басамъ Аѳины пришлись по нраву, а оба альта и дисканта и одинъ теноръ отправлены были въ августѣ 1835 года въ Аѳины новые, такъ какъ прежніе пятеро, «спадшіе съ голоса», были возвращены въ Россію.

Объ учрежденіи нашей духовной миссіи въ Аѳинахъ см. статью свящ. В. И. Ѣмакина «Основаніе русской духовной миссіи въ Аѳинахъ» въ «Христіанскомъ Чтеніи», 1893 г., V, стр. 343—351. Къ сказанному въ этой статьѣ, къ слову сказать весьма интересной, мы можемъ прибавить свѣдѣніе изъ дѣлъ архива Св. Синода 1833 г. № 197 (44) объ учрежденіи въ Аѳинахъ русской церковной школы. Посланникъ нашъ въ Греціи, «принимая во уваженіе, что праздность вовлекаетъ часто молодыхъ людей въ пороки», поручилъ прибывшему вмѣстѣ съ архимандритомъ Иринархомъ іеродіакону Парѳенію «учредить классъ, въ которомъ четыре часа въ день молодые пѣвчіе должны обучаться: 1) священной исторіи Ветхаго и Новаго завѣта, 2) катихизису, 3) русской грамматикѣ, 4) ариѳметикѣ, 5) чистописанію и громогласному чтенію цер-

чрезъ него же просилъ объ открытіи въ южной Россіи подписки въ полученіе начатаго имъ періодическаго изданія. Въ С.-Петербургѣ предположено выписать оное сперва для Св. Синода, и, по одобреніи, со временемъ, разослать къ подписавшимся, каковыхъ въ одномъ нашемъ городѣ [1]) нашлось болѣе сорока человѣкъ. Въ Таганрогѣ изъявляютъ равное желаніе подписаться если только правительство разрѣшитъ полученіе „*Евангельской Трубы*“. Но дѣло сіе, неизвѣстно почему, остановилось. Издатель, зная Стурдзу только по слухамъ, пишетъ къ нему отъ 15-го сентября, что онъ 35 вышедшихъ нумеровъ журнала отправилъ на разсмотрѣніе Св. Синода; Стурдзѣ же посылаетъ 35-ый нумеръ, вмѣщающій какое-то письмо Стурдзы, писанное въ 1826 году къ архіепископу аѳинскому Неофиту, и въ которомъ предсказаны были соблазны и бѣдствія, постигшія съ 1832 года греческую помѣстную церковь. Кромѣ того, взглянувъ бѣгло на этотъ нумеръ, конфискованный карантиномъ и цензурою, Стурдза увѣрился въ похвальномъ, ревностномъ стремленіи издателя защищать права и священныя преданія православія отъ явныхъ нападеній пресвитеріанской шайки, явно и публично отвергающей въ тамошнихъ газетахъ епископскій санъ и священноначаліе Церкви. Теперь спрашивается: должна ли сія отчаянная борьба съ навѣтниками православія оставаться для насъ чуждою? Не достоенъ ли единоборецъ духовный, іеромонахъ Германъ, поощренія и участія со стороны Россіи православной? Не уважительно ли въ семъ отношеніи мнѣніе графа А. Г. Строгонова, лично познакомившаго въ Аѳинахъ съ издателемъ „Евангельской Трубы“? Если на сіи вопросы ревности нелицемѣрной послѣдуетъ отвѣтъ, уповательно, не отрицательный, то не угодно-ли будетъ правительству разрѣшить впускъ „Евангельской Трубы“ прямо моремъ въ Одессу, съ тѣмъ чтобы листы отсылаемы были предварительно къ архимандриту Порфирію [2]), для разсмотрѣнія по правиламъ духовной цензуры. Обширныя богословскія свѣдѣнія Порфирія и совершенное знаніе новогреческаго языка ручаются

ковныхъ книгъ». О. Пареній былъ родомъ великороссіянинъ, 37 лѣтъ, обучался въ каргопольскомъ уѣздномъ училищѣ, принялъ монашество въ 1828 году.— Архимандритъ Иринархъ тяготился службой въ Аѳинахъ (дѣло архива Св. синода, 1833 г., № 1057) и въ 1836 году былъ возвращенъ въ Россію. Скончался онъ въ 1867 году архіепископомъ рязанскимъ. Извѣстенъ, какъ проповѣдникъ.

[1]) Т. е. въ Одессѣ.

[2]) Успенскому.

за благонадежность таковаго распоряженія. Иначе подписчики откажутся отъ содѣйствія, издатель замолкнетъ, и методисты, засѣвшіе въ Греціи, безъ сопротивленія довершатъ начатый ими подвигъ совращенія православныхъ въ греческомъ королевствѣ.

А. Стурдза.

Одесса, 28-го октября 1835 г.

Оживленныя сношенія Стурдзы съ Нечаевымъ начались уже позднѣе и относятся ко времени проживанія Степана Дмитріевича въ Москвѣ, въ званіи сенатора.

Милостивый государь,

Степанъ Дмитріевичъ.

За доставленіе устава общества для призрѣнія просящихъ милостыни [1]), спѣшу изъявить вашему превосходительству сердечную мою благодарность. Это для меня лестный признакъ вашего благосклоннаго обо мнѣ воспоминанія. Признаюсь: я давно, очень давно собираюсь писать къ вамъ; много времени упустилъ я, наконецъ, мною овладѣло чувство, которое французы назвали fausse honte. Но спасибо вамъ; вы нежданною вѣстію и посылкою вдругъ разрѣшили мое недоумѣніе, рѣшили борьбу съ самимъ собою. Не всѣ умѣютъ какъ вы, м. г. Степанъ Дмитріевичъ, вымещать избытокъ христіанской дѣятельности на бѣдныхъ и страждущихъ, печаль о томъ, что не возвратимо въ дольнемъ мірѣ, освящать благотвореніями во имя Давшаго и Отъявшаго,— однимъ словомъ досуги наполнять не громкими, но спасительными подвигами. Только—Христа ради—запрещая тунеядцамъ христарадничать притворно, не дѣлайте нищихъ совершенными невидимками. Повѣрьте, что безъ встрѣчи съ ними сердца счастливцевъ и безпечныхъ сыновъ вѣка такъ одебелѣютъ, что послѣ ничѣмъ ихъ не смягчишь. Сестра [2]) пишетъ къ намъ уже изъ Щуриха, сердце осталось дома, но умъ ея занятъ обиліемъ внѣшнихъ предметовъ и впечатлѣній. Она вездѣ посѣщаетъ, между прочимъ, женскіе монастыри, особенно тѣ, которыя обречены дѣламъ милосердія, чтобы для предполагаемой у насъ здѣсь женской обители накопить много опытовъ и полезныхъ свѣдѣній.

Кстати, о монастырѣ [3]) я доложу вамъ, что Св. Синодъ

---

[1]) С. Д. Нечаевъ состоялъ президентомъ этого общества.

[2]) Графиня Эдлингъ.

[3]) Архангело-михайловскій женскій монастырь въ Одессѣ съ первымъ въ Россіи училищемъ для дѣвицъ духовнаго званія, преимущественно сиротъ, за-

одобрилъ мысль нашего преосвященнаго Гавріила [1]), а князь А. Н. Голицынъ и Т. Б. Потемкина взялись за сборъ доброхотныхъ подаяній. Мы здѣсь собрали болѣе 20,000 рублей, въ томъ числѣ 5,000 присланныхъ графинею Орловой. Но Е. Вл. Новосильцова еще не отозвалась на убѣдительное къ ней письмо нашего добраго, боголюбиваго іерарха. Не позволите ли намъ прислать книгу для сбора подъ вашимъ руководствомъ въ столицѣ русскаго православія? Это позволеніе ручалось бы за успѣхъ...

Извините мою докучливость; лишь вспомню былое и незабвенную Софію Сергѣевну [2]), мнѣ кажется, что я пишу къ родному, отъ котораго не можетъ быть отказа. Съ тѣхъ поръ какъ ее не стало *здѣсь*, много, очень много отозвано изъ среды нашей любезныхъ сердцу, единомыслящихъ. *Ходите, дондеже свѣтъ имате;* я невольно тороплюсь хотя малымъ чѣмъ послужить Господу жатвы, собираемой ангеломъ смерти.

Люблю также мыслить вслухъ, писать отъ души и о душѣ. Не говоря о прежнихъ моихъ неудачахъ, и теперь въ московской духовной цензурѣ лежитъ рукопись моя подъ заглавіемъ: *Письма о должностяхъ священнаго сана. Часть первая.* Но подсудимость моя длится уже пять мѣсяцевъ. А. Н. Муравьевъ, которому я поручилъ было отстоять ее въ цензурѣ, отослалъ въ Москву. Нѣтъ ли у васъ знакомыхъ въ числѣ цензоровъ? И не сдѣлаете ли мнѣ, ваше превосходительство, одолженія разузнать, зачѣмъ дѣло стало, и меня увѣдомить. Тѣмъ болѣе медленность удивляетъ меня, что преосвященный Филаретъ [3]) предварительно прочелъ книгу и одобрилъ ее, сколько мнѣ извѣстно. Впрочемъ, воля Божія и святительская да совершится. Но тяжело трудиться безъ цѣли.

Позвольте заключить слишкомъ длинное письмо увѣреніемъ въ отличномъ почтеніи и сердечной преданности вашему превосходительству покорнѣйшаго слуги *А. Стурдзы.*

Одесса, 10-го ноября 1839 г.

ложенъ 31 мая 1842 года, открытъ 9 мая 1844 года. — Свящ. С. Петровскій, «Семь херсонскихъ архіепископовъ», Одесса, 1894. Стр. 18.

[1]) Розанова, перваго одесскаго архіерея, съ 9 мая 1837 г. по 1 марта 1848 г

[2]) Супруга С. Д. Нечаева, урожденная Мальцова.

[3]) Митрополитъ московскій Его отзывъ о «Письмахъ» см. въ III томѣ «Собранія мнѣній и отзывовъ м. Филарета», стр. 3—10.

Милостивый государь,
Степанъ Дмитріевичъ.

Представляя вашему превосходительству чрезъ посредство Ѳ. М. Гамалѣя 61 экземпляръ письма моего *о московскомъ обществѣ призрѣнія просящихъ милостыни*, помѣщеннаго въ нумерахъ 23 и 24 „Одесскаго Вѣстника“, я крайне жалѣю, что поздно узналъ о желаніи вашемъ имѣть до 200 оттисковъ этого письма. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, то и посылаемъ.

Подвигъ вашъ, почтеннѣйшій Степанъ Дмитріевичъ, и святъ, и великъ, и угоденъ Господу и совершившейся рабѣ Христовой по сердцу—паче всѣхъ нашихъ разглагольствій!

Еще мало, и мы почіемъ отъ трудовъ и искушеній своихъ. Изъ глубины сердца желаю вамъ и *временнаго* воздаянія, я разумѣю: здоровья и преуспѣянія милыхъ дѣтей вашихъ.

Въ надеждѣ и упованіи на вашу христіанскую снисходительность, я осмѣлился, не испросивъ на то предварительнаго согласія, приложить здѣсь отношеніе мое въ духовную цензуру Троицкой лавры, о возвращеніи мнѣ рукописи, наконецъ, пропущенной Св. Синодомъ, но которая опять отправлена въ Москву для приложенія печати и подписи.

А. Н. Муравьевъ, чрезъ котораго дѣло шло, пишетъ ко мнѣ отъ 17-го марта, что книга, наконецъ, одобрена къ изданію и отправлена въ Москву, откуда я могу ее получить, безъ дальнѣйшихъ затрудненій. Чувствительно одолжить изволите смиреннаго издателя, если возьметесь истребовать эту рукопись изъ духовной цензуры, и ко мнѣ по почтѣ доставить. Предстательство ваше въ настоящемъ случаѣ я почту особеннымъ для себя благодѣяніемъ. Что-жъ касается *письма о монашествѣ* [1]), теперь можно бы отложить изданіе сего отрывка, которому, со временемъ, суждено войти въ составъ второй части *Писемъ о должностяхъ священнаго сана.*

Зато мнѣ крайне хотѣлось бы знать: куда отправить IV книгу сихъ Писемъ—*о проповѣди слова Божія*: въ московскій ли цензурный комитетъ, или въ Синодъ? Ежели бы, разсмотрѣвъ, пропустили эту IV книгу, то 1-я часть моего труда была бы полнѣе; а три послѣднія книги, еще не составленныя, оставались бы удѣломъ второй части. *Спросъ*, кажется, *не бѣда;* между тѣмъ

---

[1]) См. о немъ въ «Письмахъ аскета», «Хр. Чт.», 1895 г., сужденіе архимандрита Игнатія (Брянчанинова).

я займусь изданіемъ одобренныхъ Писемъ. IV-ая книга уже готова, но не переписана на бѣло.

Въ нетерпѣливомъ ожиданіи благосклоннаго отвѣта, имѣю честь быть съ душевнымъ уваженіемъ и нелицемѣрною преданностію, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою *Александръ Стурдза*.

Одесса, 29-го марта 1840 г.

Во истинну воскресе!

Милостивый государь,

Степанъ Дмитріевичъ.

Взаимно привѣтствуя радостнымъ привѣтомъ христіанъ, до самаго дня Вознесенія нашего Господа, я вмѣстѣ приношу вамъ дань сердечной благодарности за письмо ваше отъ 20-го апрѣля и *Разсказы о бѣдныхъ* [1]). Порученіе ваше къ Ѳедору Михайловичу [2]) я въ точности исполнилъ. Больно слышать, что милыя дѣти ваши такъ жестоко и упорно страдаютъ отъ коклюша. Всѣмъ сердцемъ молю Бога: да сотворитъ скоро со искушеніемъ и избытіе! Почти въ тотъ же день, съ письмомъ вашимъ, получилъ я, изъ Петербурга, обратно и мою рукопись 1-го тома *Писемъ о должностяхъ священнаго сана*. А. Н. Муравьевъ прислалъ мнѣ и письмо къ нему о. Ѳеодора Голубинскаго, моего цензора, и совѣтовалъ 4-ю книгу прямо къ нему отправить. Но она уже пошла къ Муравьеву, который, безъ церемоніи, переслалъ ее къ Голубинскому по принадлежности. Беру смѣлость включить письмо отъ себя къ почтенному и благонамѣренному судіи моему, прося разсмотрѣть послѣднюю книгу и мнѣ ее доставить во-время, я разумѣю къ первымъ числамъ іюля, когда наборъ трехъ предъидущихъ книгъ, уповательно, будетъ оконченъ.

Теперь позвольте надѣяться, что вы, не сердясь на мою мелочную докучливость, благоволите отослать письмо мое къ цензору. Въ Москвѣ ли онъ, или въ лаврѣ, вотъ чего я не зналъ, и потому не написалъ прямо къ нему.

Выслушайте же снисходительно и отвѣтъ мои на вопросъ и недоумѣніе справедливое, зоркое, которымъ вы, почтеннѣйшій Степанъ Дмитріевичъ, сперва озадачили, но и одолжили меня.

По устроенію и волѣ Божіей я началъ свое умственное поприще книгою, написанною въ защиту церкви отъ іезуитскихъ

[1]) Изданные въ пользу комитета о просящихъ милостыни.

[2]) Гамалѣю.

навѣтовъ въ 1817-мъ году. Это незрѣлое, но многими любимое сочиненіе моей молодости: Considerations sur la doctrine et l'esprit de l'Eglise Orthodoxe. Въ послѣдствіи я дѣйствовалъ перомъ въ сферѣ болѣе политической, обличалъ гибельное направленіе германскихъ университетовъ, издалъ въ письмахъ апологію единовѣрцевъ нашихъ, возставшихъ на Турцію, и, наконецъ, въ 1828-мъ году написалъ книгу собственно назидательную и огласительную, подъ заглавіемъ: „Ручная книга православнаго христіанина". Ее читаютъ въ греческомъ подлинникѣ и въ переводахъ русскомъ и молдавскомъ добрые, простодушные христіане. Нынѣ же, замѣчая съ глубокимъ прискорбіемъ, съ одной стороны въ юныхъ левитахъ безжизненныя и тусклыя понятія о подвигахъ священника, съ другой, въ толпѣ образованныхъ и ревностныхъ мірянъ, опасное, *кальвинское* стремленіе къ мечтательному освященію—*мимо св. Церкви*, читая ежедневно брошюры и переводы, которые всѣ *учатъ* гибельному искусству *обходиться безъ Церкви* въ дѣлѣ спасенія, безъ таинствъ и дѣятельнаго послушанія духовнаго,—я почелъ долгомъ моимъ противудѣйствовать общему обаянію, не смотря на скудость ума и силъ моихъ. Вотъ что побудило меня заняться настоящимъ изданіемъ *Писемъ*: и глубокое, зрѣлое убѣжденіе сіе заставитъ меня преслѣдовать одну и ту же благую цѣль, даже до послѣдняго издыханія. Обаяніе, о которомъ я выше намекнулъ, виднѣе мнѣ, потому что я вблизи наблюдаю гоненія на Церковь, воздвигаемыя на Востокѣ шайкою миссіонеровъ, пріосѣняемыхъ Англіею и адомъ. Остервенѣніе этихъ изувѣровъ-наемниковъ превышаетъ всякое вѣроятіе. Впрочемъ, я долженъ признаться, что указанія и предметы, вами мнѣ заданные, отмѣнно хороши, существенны, увлекательны. Въ противникахъ Церкви замѣтно какое-то превосходное религіозное чутье. Они статей моихъ нигдѣ не принимаютъ, и вообще тамъ, гдѣ они не смѣютъ дѣйствовать явно (какъ то, увы! происходитъ на Востокѣ), эти господа нашли средство подрывать не тѣмъ, что пишутъ, а тѣмъ, что умалчиваютъ. И у насъ недальновидные благочестивцы легко впадаютъ въ цвѣтистую сѣть; потому что со стороны пастырей мало навѣтникамъ отпора и добрымъ душамъ предостереженія. Наконецъ, доколѣ питомцы духовныхъ заведеній не возъимѣютъ высокаго, свѣтло-теплаго понятія о своемъ званіи,—до тѣхъ поръ простой народъ нашъ останется въ тяжкомъ невѣдѣніи, на произволъ грубымъ и тонкимъ расколамъ. Я высказалъ вамъ всѣ мысли свои, но вамъ одному.—Почтите меня увѣдомленіемъ и привѣтомъ.—Преданный вамъ

10-го мая 1840 г. *А. Стурдза.*

Пріютъ близъ Одессы, 21-го Іюня 1840-го года

Съ лишнимъ три недѣли прожилъ я въ столицѣ Бессарабіи, почтеннѣйшій Степанъ Дмитріевичъ; участвовалъ въ областныхъ выборахъ по долгу помѣщика—избирателя, или, точнѣе, не участвовалъ, вмѣстѣ съ благомыслящею частію дворянъ, которыхъ явныя и гнусныя нарушенія закона заставили подать протестъ противъ беззаконныхъ дѣйствій тамошняго областнаго предводителя. Вскорѣ послѣ возвращенія моего въ мой домъ дошло ко мнѣ письмо вашего превосходительства отъ 6-го іюня, богатое мыслями, чувствами, утѣшеніемъ, сопровождаемое прекрасными разсказами *о бѣдныхъ*. Изъ нихъ нѣкоторые изящною своею простотою тронули меня *до слезъ*, нельзя прочесть ихъ безъ умиленія, и я поставлю себѣ долгомъ познакомить съ ними многихъ. За отправленіе письма моего къ о. Голубинскому благодарю всеусердно. Съ тѣхъ поръ наборъ и печатаніе 3-хъ книгъ *Писемъ о должностяхъ священнаго сана* быстро подвигается впередъ. Къ первымъ числамъ іюля эта часть труда моего будетъ оттиснута. Но IV книга, *о проповѣданіи слова Божія*, еще въ цензурѣ; а безъ нея невозможно выпустить въ свѣтъ перваго тома. А. Н. Муравьевъ послѣднюю рукопись мою отправилъ въ Москву къ Голубинскому чрезъ посредство митрополита Филарета, уѣзжавшаго тогда въ свою епархію. Гонецъ нескорый и озабоченный множествомъ дѣлъ, особливо въ настоящее скорбное и голодное время. Боясь остановки, которая могла бы все разстроить, я десять дней тому какъ написалъ просительное и убѣждающее письмо его высокопреосвященству и второе письмо къ цензору; не умѣлъ я надписать *въ Сергіевскій Посадъ*: адресовалъ *въ Москву при духовной академіи*. Теперь что остается сдѣлать мнѣ? Развѣ опять докучать вамъ? Явите божескую милость, какъ говорятъ въ простомъ народѣ, напишите нѣсколько строчекъ Голубинскому и, при случаѣ, скажите слово высокопреосвященному. IV-я книга ничего затруднительнаго въ себѣ не заключаетъ. А такъ какъ предъидущія 14 мѣсяцевъ лежали въ горнилѣ испытанія, то смѣю надѣяться, что IV-ую, въ замѣнъ, прочтутъ скоро и благословятъ, исправивъ мелочи, какъ имъ угодно. Ужъ право нашему духовенству не меня бы слѣдовало грѣшнаго, но усерднаго, пасти *жезломъ* да *палицею!* Я точно прошу возможнаго—нетруднаго. По крайней мѣрѣ пусть узнаю, около какого времени дождаться могу своей рукописи. Здѣсь типографія *одна*, свободна лишь до августа отъ такъ называемыхъ казенныхъ и городскихъ занятій. Если дѣло промедлитъ до августа,

жди весны. и шрифтъ иступятъ. Ежели цензоръ предложитъ вашему превосходительству принять на себя обратное доставленіе въ Одессу труда моего, то благоволите не отказать ему въ этомъ. Авось рука ваша поможетъ мнѣ, потому что ею управляетъ сердце!.. Замѣчанія почтеннаго инока [1]) и ваши собственныя я постараюсь себѣ усвоить, и придамъ болѣе ясности размышленіямъ о монашествѣ, которыя должны войти въ составъ II тома моихъ «Писемъ». Я говорю *болѣе ясности* въ изложеніи, потому что и я не приписываю начала иноческой жизни однимъ *гоненіямъ*, но и *соблазнамъ* міра. Что св. Предтеча и дивный Илія пророкъ суть образцы истиннаго подвижничества, въ томъ сомнѣнія нѣтъ и спора быть не можетъ. Цѣль моя была: разсѣять и опровергнуть общія предубѣжденія противъ монашества, и благовидныя и неосновательныя, показавъ *умственныя* начала сего учрежденія, въ христіанствѣ необходимаго. Вотъ почему держался я преимущественно *логической* нити, а не одной *исторической*. Іессеи конечно вели жизнь подвижническую; но у нихъ созерцаніе поглощало дѣятельную любовь—признакъ *христоподобія*. Справедливо другъ вашъ замѣтитъ, что въ первые вѣки не было надобности въ отшельникахъ Но и я, кажется, выразилъ ту же мысль, сказавъ: *совершенно здравый*, равно какъ и *отчаянно больной*, не нуждаются въ лѣкарствахъ. Св. Макарія и Іоанна Лѣствичника читалъ я нѣкогда прилежно; со всѣмъ тѣмъ я послѣдую благому совѣту и опять стану читать ихъ. Не забудемъ однакожъ, что возраженія и софизмы нашего вѣка противъ самопожертвованія—не тѣ, что были прежде. Духъ злобы тотъ же да пріемы и уловки его приспособлены къ господствующимъ обаяніямъ самодовольнаго просвѣщенія. Впрочемъ, примѣръ многострадальнаго Востока. гдѣ шайка миссіонеровъ подъ щитомъ Англіи и самая Англія неистовствуютъ и гнетутъ монашество съ неимовѣрнымъ ожесточеніемъ, жалкое положеніе многихъ нашихъ обителей. оскудѣніе всякой ревности, бездѣйствіе миссіи, шатаніе расколовъ, гладъ хлѣба духовнаго и насущнаго, духъ касты, ничѣмъ необновляемой отвнѣ, и плачевная у насъ участь сиротокъ духовнаго званія, т. е. будущихъ супругъ и матерей нашихъ левитовъ (онѣ-то и подали мысль о женскомъ монастырѣ для воспитанія близъ Одессы): вотъ предметы, тѣсно сопряженные съ идеаломъ благоустроеннаго иноческаго житія, о которомъ размышлять не безполезно.

Простите, порадуйте меня отвѣтомъ.

Вамъ душевно преданный слуга *А. Стурдза*.

[1]) Игнатія (Брянчанинова), о нихъ упомянуто ранѣе.

ООН

Цензура, очевидно, была больнымъ мѣстомъ Стурдзы, да вѣроятно и не для него одного въ то время, судя по остроумному замѣчанію архимандрита Игнатія (Брянчанинова), что „книги умѣренной пользы, въ особенности же пустыя и даже вредныя, свободны отъ тѣхъ разсматриваній, продолжительныхъ и многообразныхъ, коимъ подвергаются у насъ книги существенно полезныя“ [1]). 8 іюня 1840 года Стурдза изъ Одессы опять писалъ:

Снова бью челомъ о моей рукописи. Я принялся уже за корректуру послѣдняго листа, извѣщаю объ этомъ о. Ѳ. Голубинскаго *четвертымъ* письмомъ, и молчаніе его толкую въ свою пользу. Я кромѣ того писалъ и къ митрополиту, и къ Муравьеву. Отвѣта же надѣюсь и помощи чаю - - отъ васъ. Знаю, что настало время тяжкое, что у васъ всѣ озабочены нуждами бѣднаго народа. Однакожъ дѣла текутъ, и каждому *подобаетъ дѣлати*, дондеже свѣтъ *имать*. Неужели цензоръ и вашему превосходительству не отвѣчаетъ?..

Здѣсь мы истаеваемъ отъ жаровъ. Призри, Господи, на матерь—Россію и людей православныхъ.

Въ августѣ былъ напечатанъ первый томъ „Писемъ о должностяхъ священнаго сана“, и Стурдза поспѣшилъ отправить въ началѣ сентября чрезъ Ѳ. М. Гамалѣя два экземпляра этой книги въ Москву для врученія С. Д. Нечаеву и митрополиту Филарету. Въ письмѣ отъ 24 ноября, изъ Одессы, онъ справляется, дошли ли книги по назначенію.

Не зная, дошли ли эти книги по назначенію, рѣшился я обратиться къ вамъ непосредственно съ вопросомъ объ участи начатковъ труда моего, и митрополиту и вамъ представленныхъ по внушенію благодарнаго сердца. Итакъ, разрѣшите сомнѣнія мои хоть двумя строчками.

Усердный трудъ мой Господь видимо благословляетъ: іерархи наши отвсюду выписываютъ „Письма о должностяхъ священнаго сана“ и ревностно распространяютъ чтеніе оныхъ по своимъ паствамъ. Около половины изданія ужъ разобрали. Вы знаете, почтеннѣйшій Степанъ Дмитріевичъ, что наше дѣло смертное *сѣять* и *поливать*; ростъ и плодъ во власти единаго Бога, возра-

[1]) «Хр. Чт»., май—іюнь 1895 г. «Письма аскета», письмо 17 янв. 1842 г

щающаго посѣянное нами. Теперь я занимаюсь вторымъ томомъ, стараясь сочиненіе окончить въ теченіе нынѣшней зимы".

Возвышенныя размышленія скоро, однако, опять смѣнились въ письмѣ заботой о сбытѣ книги. Стурдза пишетъ, что онъ послалъ въ сентябрѣ чрезъ контору извозовъ „на долгихъ" въ Москву книгопродавцу Ширяеву 50 экземпляровъ, но извѣстія о полученіи ихъ не получилъ. Проситъ послать справиться въ лавкѣ.

„Вы видите, что я по старому обыкновенію докучливъ, все тотъ же. Тотъ же, впрочемъ, и по чувству сердечнаго уваженія къ вамъ".

„Сестра съ августа мѣсяца опять съ нами здѣсь, въ кругу домашнемъ, послѣ долгаго отсутствія, которое однакожъ подѣйствовало на ея здоровье самымъ благодѣтельнымъ образомъ".

„Удостойте прочтенія *письма* мною изданныя и примите увѣренія въ постоянномъ почитаніи и преданности".

Милостивый государь,

Степанъ Дмитріевичъ.

Хоть поздно, да въ добрый часъ пожаловало письмо вашего превосходительства отъ 10-го апрѣля съ приложеніями, равно изящными и назидательными. Бесѣда на текстъ, глубокій и прекрасный, мнѣ очень понравилась; а стихи Глинки, какъ всѣ произведенія его, согрѣты неподдѣльнымъ чувствомъ. Зная, сколько вы заняты, обременены заботами по службѣ отечеству и святому милующему Провидѣнію, я бы не рѣшился такъ непосредственно, т. е. такъ нескромно поспѣшить отвѣтомъ, если бъ не имѣлъ просьбы къ вамъ и вмѣстѣ свѣдѣнія, могущаго пригодиться Обществу призрѣнія просящихъ милостыни. Начну съ этого свѣдѣнія. Сколько намъ ни совѣстно, что мы о сію пору не могли ничѣмъ содѣйствовать вашему боголюбезному подвигу, но дѣлать было нечего: потому что злополучіе, особливо въ настоящія времена лютыя, вездѣ дома, вездѣ незваный и неотразимый гость. Недавно, городъ сосѣдній, Елисаветградъ, жестоко потерпѣлъ отъ наводненія; Ингулъ разлился, выступилъ изъ береговъ, въ ночь съ великаго четвертка на великій пятокъ и снесъ цѣлое предмѣстье. Много погибло людей, затопленныхъ водою или унесенныхъ льдинами. Для нихъ здѣсь родилась мысль, между прочимъ, произвести сборъ въ храмѣ Божіемъ. 20-го апрѣля, въ

воскресенье, преосвященнымъ [1]) отслужилъ литургію въ соборной церкви; другъ Порфирія о. Михаилъ Павловскій произнесъ умилительное воззваніе къ христіанамъ, и въ полчаса, въ стѣнахъ Божія дома, собрано не менѣе 3,000 руб. Выслушавъ проповѣдника, многіе удвоили даяніе; дамы снимали съ себя ожерелья,— однимъ словомъ, сила вѣры и убѣжденія изъ устъ матери—Церкви выказала себя во славу имени Христова! Что, если бы это дѣлалось иногда въ главныхъ церквахъ благочестивой Москвы, въ пользу общества, вами одушевляемаго? Я увѣренъ, что по меньшей мѣрѣ подобныя воззванія доставляли бы вамъ ежегодно тысячъ двадцать и болѣе.

Примите благосклонно совѣтъ мой, опытомъ оправдываемый, вопреки сомнѣнію многихъ, которымъ это казалось новизною ненадежною.

Перехожу къ челобитнѣ. Первая часть *Писемъ* моихъ, я вижу, заслужила вполнѣ ваше лестное и ободряющее одобреніе. Нельзя ли, почтеннѣйшій Степанъ Дмитріевичъ, помочь издателю, недоумѣвающему объ участи второго и послѣдняго тома? Съ наступленіемъ года, т. е. 1-го января, отправилъ я въ московскую духовную цензуру V и VI книгу этихъ *Писемъ*, при убѣдительномъ письмѣ къ о. Ѳ. Голубинскому, 13-го февраля послалъ я къ нему же VII и послѣднюю книгу, которою оканчивается II-й томъ. Наконецъ, 22 марта я написалъ къ нему въ третій разъ, запрашивая: могу ли надѣяться на полученіе своей рукописи къ маю мѣсяцу? Послана-ли она опять въ Петербургъ, или же разсматривается въ Москвѣ? Мнѣ нужно знать то и другое: ибо единственная въ Одессѣ типографія свободна бываетъ отъ казенныхъ работъ только лѣтомъ. Уйдетъ оно.—тогда поневолѣ печатай внѣ Одессы. Если-жъ рукопись моя отправлена въ Синодъ и, вѣроятно, передана м. Филарету, то мнѣ надобно будетъ писать туда, напоминать, кланяться, потому что сановникамъ, озабоченнымъ дѣлами всецѣлой Церкви россійской, не до моей книги. А смерть у дверей; хотѣлось бы довершить начатое. Слышу, что почтенный о. Голубинскій овдовѣлъ,—слѣдственно въ горнилѣ скорби душевной; не смѣю въ 4-й разъ спрашивать и съ дерзновеніемъ прибѣгаю къ вашему посредничеству.

Сестра благодарна вамъ за память и привѣтствіе; она собирается въ Бессарабію на лѣто, можетъ быть и на всю зиму. Графъ Эдлингъ, на дняхъ, выѣхалъ отсюда въ Дрезденъ, онъ

---

[1]) Архіепископъ Гавріилъ (Розановъ).

страдаетъ глазами; зрѣніе его притупилось, какъ и у добраго князя А. Н. Голицына. Дочь моя съ мужемъ живетъ въ деревнѣ; такъ что мы вдвоемъ остаемся въ грустномъ уединеніи, но къ счастію за городомъ, въ нашемъ приморскомъ пріютѣ. Кое-какіе признаки преуспѣянія въ царствѣ благодати одни еще занимаютъ и утѣшаютъ меня. Сиротскій домъ нашъ цвѣтетъ и утверждается, воспитательный монастырь скоро, повидимому, осуществится. Основаніе епархіи въ Камчаткѣ, появленіе давно забытыхъ книгъ, вновь издаваемыхъ, и проблески христіанскаго духа даже на западномъ небосклонѣ, ярко разсѣкающіе мглу невѣрія и суемудрія, все это мирить съ настоящимъ и подаетъ въ будущемъ надежду.

Съ сердечною преданностію вамъ благодарный и покорнѣйшій слуга *А. Стурдза.*

Одесса, 27-го апрѣля 1841 г.

P. S. Здоровы ли теперь милые наши дѣти? Господь да осѣняетъ ихъ присно, подавая молитву молящейся о нихъ!

~~~

Въ письмѣ 8 іюня 1841 года, изъ Одессы, Стурдза извѣщаетъ С. Д. Нечаева, что полученное отъ него письмо застало его наканунѣ отъѣзда въ Бессарабію къ сестрѣ.

Съ чувствомъ душевной благодарности имѣю честь доложить вамъ, что половина моей рукописи мною изъ духовной цензуры получена уже и набирается. Другую половину видно не изготовилъ Голубинскій, но не замедлитъ. Предвидя опасенія цензуры касательно указаннаго вами мѣста, я не даромъ упомянулъ о *нѣмецкомъ переводѣ англійскаго трактатца*, предполагая, что наша цензура русскихъ переводовъ не пропускаетъ безъ великихъ исправленій. Но предостеречь добродушныхъ читателей все-таки надлежало. Нелѣпые трактатцы читаемы быть должны съ осторожностью. Пора бы намъ опомниться. Пусть цензура смягчитъ выраженіе сколько угодно, однакожъ не утаивая истины и не разрывая связи сочиненія.

Впрочемъ, не получивъ доселѣ этой части моего труда, я все еще надѣюсь, что цензоръ дождался преосвященнаго Филарета и попроситъ наставленія у мудраго владыки! Надѣюсь; ибо издавъ вновь *Камень вѣры*, смѣло можно и должно пропустить мои скромныя размышленія о *трактатцахъ*.

Прилагая краткую записку о тяжебномъ дѣлѣ „добраго, честнаго и беззащитнаго грека Рафтопуло“, три года лежа-
~~~

вшемъ въ сенатѣ, Стурдза въ этомъ письмѣ просилъ С. Д. Нечаева обратить на это дѣло свое „прозорливое вниманіе“.

Дочь Стурдзы, княгиня Гагарина, написала своему отцу въ началѣ октября, что С. Д. Нечаевъ былъ у нея въ Москвѣ и обѣщалъ еще навѣстить ее вмѣстѣ съ дѣтьми. Стурдза поспѣшилъ поблагодарить Степана Дмитріевича письмомъ, писаннымъ 17 октября, изъ пріюта, чужою рукою, за исключеніемъ послѣднихъ строкъ.

Господь да осѣняетъ васъ и дѣтей вашихъ присно Своею благодатію! Я намѣренъ до наступленія зимы изъ моего пріюта еще разъ съѣздить къ сестрѣ за Днѣстръ. Тамъ, разумѣется, о васъ и дружбѣ вашей къ намъ, ради незабвенной Софіи Сергѣевны, потечетъ умиленная между нами бесѣда. Трудно и долго было бы, почтеннѣйшій Степанъ Дмитріевичъ, описывать вамъ всѣ тѣ искушенія, которымъ подверглись мы въ нынѣшнемъ году. Графъ Эдлингъ лишился зрѣнія и отправился въ Германію для операціи; сестра также страдаетъ глазами, а мое плохое зрѣніе сдѣлалось еще слабѣе. Мнѣ велятъ читать и писать самому какъ можно менѣе. Стараемся возвергать на Господа печаль свою и уповаемъ, что милость Его не дастъ намъ искуситься паче, нежели можемъ. И молитва любящихъ насъ, надѣюсь, поможетъ намъ.

Представляю при семъ второй и послѣдній томъ моего труда; примите его съ обычною снисходительною любовію. Благодареніе Господу, книга моя расходится довольно быстро, и духовные у насъ читаютъ ее съ единодушнымъ благорасположеніемъ. Далѣе же, чаемый отъ нея духовный плодъ не во власти человѣческой. Прошу и требую, чтобы вы потрудились прямо высказать ваше мнѣніе о второмъ томѣ.

Это письмо, которымъ надолго пріостановилась переписка двухъ благочестивыхъ старцевъ, заканчивалось просьбою похлопотать о межевыхъ планахъ на 6.000 десятинъ незаселенной земли, пожалованной въ 1799 году императоромъ Павломъ родителю Стурдзы въ тамбовской губерніи, и слѣдующимъ post-scriptum'омъ:

Читали-ль вы новую, важную и дѣльную книгу А. Н. Муравьева?

Семилѣтнее молчаніе разрѣшилось письмомъ 2 мая 1849 г., писаннымъ изъ пріюта, чужою рукою:

Будьте снисходительны къ многолѣтнему молчальнику, которому вздумалось прервать продолжительное безмолвіе покорнѣйшею просьбою и ходатайствомъ за подносителя сихъ строкъ одесскаго гражданина и купца г. Папудоглу. Въ память дней давнопротекшихъ, но всегда присущихъ памяти моей, благоволите принять радушно и терпѣливо выслушать знакомаго мнѣ просителя. Участь цѣлаго семейства зависитъ теперь отъ рѣшенія сената, въ которомъ вы присутствуете и дѣйствуете.

Это было спорное семейное дѣло о наслѣдствѣ.

По слабости зрѣнія я съ нѣкотораго времени все рѣже и меньше пишу своею рукою: извините, и позвольте еще заключить письмо мое спросомъ сердечнымъ о милыхъ вашихъ дѣтяхъ, каково ихъ здоровье, успѣхи въ жизни христіанской, по образцу незабвенной матери ихъ Софьи Сергѣевны? Да будутъ они всегда вашимъ утѣшеніемъ!

5 апрѣля 1851 года, изъ Одессы, Стурдза собственноручно писалъ:

Какъ благодаренъ я случаю, или вѣрнѣе Тому, въ чьей власти времена и лѣта и разстоянія, за отрадное чувство, которымъ подарило меня дружеское письмо ваше, милостивый государь, Степанъ Дмитріевичъ, врученное мнѣ достойною поклонницею святыхъ мѣстъ Марьею Клементьевной Меркуловой. Оно доставило мнѣ и всѣмъ моимъ домашнимъ много удовольствія, не чуждаго умиленія. Ибо дорогія сердцу моему подробности о дѣтяхъ вашихъ воскресили во мнѣ и присныхъ моихъ память давно минувшихъ лѣтъ, память о незабвенной Софіи Сергѣевнѣ, хранимую въ завѣтномъ безмолвіи.

Большое, задушевное спасибо вашему превосходительству за все: и за добрую вѣсть о себѣ, и за вѣстницу, дѣлающую честь своей мастистой руководительницѣ въ житіи христіанскомъ. Я принялъ ее съ радостію и полнымъ довѣріемъ, потому что вашъ голосъ, имя игумены Маріи, которую зналъ я еще въ мірѣ, да и благочестивая цѣль благочестивой странницы громко заговорили въ ея пользу. А тамъ ближайшее знакомство мое съ Марьею Клементьевной оправдало мою вѣру. Опоздавъ на трудномъ пути, она прибыла въ Одессу уже въ такую пору, когда не было возможности поспѣть въ Іерусалимъ ко днямъ страстей и воскресенія Христова. Въ этомъ убѣдила странницу Катерина Гавриловна Боголюбова, наставница нашихъ сиротокъ духовнаго званія и весьма опытная по долгому ея пребыванію у Гроба Господня.

Тяжело было г-жѣ Меркуловой разстаться съ любимою мечтой. Но она покорилась волѣ Божіей безъ ропота, безъ уныпія, и осталась здѣсь до 10 или 20 апрѣля, по указанію обстоятельствъ. Будучи однимъ изъ основателей и попечителемъ одесской богадѣльни сердобольныхъ сестеръ, въ которой помѣщается храмъ, а при немъ больныя и ухаживающія за ними безмездно добрыя труженицы, я назвалъ пришелицу погостить въ разсадникѣ дѣятельнаго милосердія, до дня отплытія парохода въ Византію. И признаюсь вамъ, что мнѣ очень хотѣлось бы привлечь навсегда вѣрную агницу въ нашу смиренную общину безмезднаго служенія больнымъ. Однако примолвлю: воля Божія благая и совершенная да будетъ, а не наше, часто стѣснительствующее, желаніе.

Кстати, позвольте мнѣ, многоуважаемый Степанъ Дмитріевичъ, приложить у сего печатный отчетъ о начаткахъ нашего учрежденія. Съ тѣхъ поръ по милости Божіей оно постоянно крѣпнетъ и приноситъ уже плодъ исцѣленій не только тѣлесныхъ, но и душевныхъ. Теперь у насъ сестеръ милосердія пять, больныхъ до шестнадцати. Живемъ и пользуемъ страждущихъ однимъ подаяніемъ. Обстроились и пять кроватей уже основано посредствомъ вкладовъ на вѣчныя времена.

Мы безразлично принимаемъ больныхъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій. Но по нашему уставу и обдуманному убѣжденію моему сестры сердобольныя должны быть всѣ православныя. Безъ сего въ духовномъ управленіи и направленіи новаго заведенія не доставало бы необходимаго *единства*.

„Увидимся ли мы еще въ этомъ дольнемъ мірѣ“?—заканчиваетъ свое письмо А. С. Стурдза, вспоминаетъ покойницу Софью Сергѣевну, дорогую его памяти, приглашаетъ С. Д Нечаева съ дѣтьми въ Одессу.

Какая отрада для меня показать вамъ мѣсто поля сестры моей, церковь Воскресенія Христова, сооруженную мною на могилѣ ея по ея волѣ и обѣту... Матери-подвижницѣ на Бородинскомъ боевомъ полѣ прошу засвидѣтельствовать глубокое уваженіе мое и вмѣстѣ просьбу: не уступитъ ли она намъ свою духовную дщерь на дѣло служенія страждущимъ братіямъ, тѣмъ болѣе, что Марья Клементьевна, будучи связана супружествомъ, не можетъ произнести обѣтовъ иноческихъ. Потерпимъ и увидимъ, что провѣщаетъ о ней Гробъ Спасителя живоприемный“.

Съ чувствами неизмѣннаго къ вамъ уваженія и преданности навсегда вашего превосходительства покорнѣйшій слуга *Александръ Стурдза*.

Милостивый государь,

Степанъ Дмитріевичъ.

Какъ отголосокъ изъ завѣтной области прошедшаго, дошло ко мнѣ и обрадовало меня, на дняхъ, письмо вашего превосходительства, написанное 4 мая, но пересланное ко мнѣ изъ Одессы съ послѣднею почтою. Послѣ тяжкой болѣзни, одержившей меня съ 10-го апрѣля до іюля мѣсяца, выздоравливающему медленно и едва вышедшему изъ горнила испытанія, свыше ниспосланнаго къ очищенію многогрѣшной души моей, вы можете себѣ представить, какъ отрадно было мнѣ услышать привѣтъ издали, отзывающійся воспоминаніемъ давно протекшихъ лѣтъ, и въ дружескомъ письмѣ вашемъ обрѣсти залогъ вашей благосклонности. Матушка-Россія такъ велика, что, разойдясь однажды по лицу ея, надобно упорствовать, чтобы сберечь сердечныя отношенія наши съ людьми, нѣкогда столь близкими для насъ. Я заочно благодаренъ доктору Вейнтраубу [1]) за тѣ пріятныя минуты, которыя онъ мнѣ доставилъ. Жалѣю только и скорблю при мысли, что онъ, вѣроятно, не дождется нашего близкаго возвращенія въ Одессу. Если застану его, то постараюсь быть полезнымъ ему, чѣмъ только съумѣю.

Все, что вы изволите сообщать мнѣ о милыхъ вашихъ дѣтяхъ, уже переставшихъ быть дѣтьми, дорого для меня и занимательно. Я тотчасъ подѣлился этими свѣдѣніями съ моею женою и дочерью. У нея-то мы гостимъ теперь взамѣнъ пребыванія ея съ мужемъ и дѣтьми въ Манзырѣ, заднѣпровской усадьбѣ покойной сестры моей. Господь далъ намъ трехъ внуковъ и одну внучку. Дочь моя помнитъ и любитъ незабвенную Софію Сергѣевну: я же, молясь о моихъ усопшихъ въ клѣти моей, невольно и постоянно произношу имя ея. Оно, по какому-то сочетанію мыслей и чувствованій моихъ, соединено съ именемъ подвижника Аникиты, коего такъ глубоко уважала супруга ваша. Итакъ, вы видите, м. г., что все, касающееся до васъ и вашихъ кровныхъ, не можетъ никогда содѣлаться чуждымъ моему сердцу.

Вамъ угодно навѣдываться объ участи горькой, но заслуженной, несчастнаго Ѳ. М. Примѣръ его доказываетъ, что рѣдкій умъ и добродушіе не могутъ замѣнить отсутствія въ человѣкѣ твердыхъ правилъ и глубокихъ убѣжденій. Ѳ. М. содержится подъ стражею какъ подсудимый, и онъ тѣмъ виновнѣе и злополучнѣе, что погубилъ не одного себя!..

[1]) Состоявшему при комитетѣ о просящихъ милостыни

Я уже зналъ о блаженной кончинѣ игуменьи [1]) Маріи: дай Богъ, чтобы пастыри наши удачнымъ выборомъ ея преемницы съумѣли предотвратить упадокъ основаннаго ею общежитія. Очень больно видѣть, что у насъ самыя лучшія учрежденія рѣдко переживаютъ своихъ учредителей! Боюсь той же участи въ отношеніи здѣшней врачебницы сердобольныхъ сестеръ, которую Господь Іисусъ доселѣ милуетъ и гдѣ гостила г-жа Меркулова въ 1850-мъ году, скоро послѣ открытія этого заведенія. Вы, повидимому, почтеннѣйшій Степанъ Дмитріевичъ, смѣшиваете новую обитель безмезднаго служенія больнымъ ради Христа съ домомъ призрѣнія сиротъ и воспитательнымъ монастыремъ, надъ коими столь потрудилась покойная сестра моя. Но ее уже не было посреди насъ, когда мы задумали идти по ея слѣдамъ и затѣяли новое заведеніе, истинно богохранимое, хотя и убогое. Если Марья Меркулова, и теперь проживающая въ Іерусалимѣ, получивъ горестную вѣсть, рѣшится обречь себя у насъ на служеніе болящимъ, то безъ сомнѣнія найдетъ она здѣсь надежную опору для себя въ новой настоятельницѣ нашего заведенія Екатеринѣ Александровнѣ Хитровой и другихъ достойныхъ труженицахъ. Позвольте мнѣ доставить къ вамъ, при случаѣ, наши отчеты, временный уставъ и наставленіе сердобольнымъ сестрамъ.

Извините мое безобразное писаніе, я плохо вижу: и вирель не стану писать къ вамъ своеручно, частію по неволѣ.

Будьте же снисходительны ко мнѣ и вѣрьте чувствамъ неизмѣннаго почитанія и преданности душевной, съ коими пребуду навсегда вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою *А. Стурдза.*

М. Окны, сентября 6-го дня 1852 г.

II.

Письма Ѳ. А. Голубинскаго.

„Мыслитель замѣчательный, извѣстный не въ одной Россіи, но и въ Европѣ, профессоръ философіи, протоіерей Ѳеодоръ Александровичъ Голубинскій занималъ въ московской духовной академіи каѳедру философіи тридцать шесть лѣтъ“ [2]), съ 1818 по 1854 годъ. Съ 1826 по 1851 годъ онъ, сверхъ того, былъ цензоромъ въ московскомъ духовно-цензурномъ

[1]) Бородинскаго монастыря.

[2]) С. Смирновъ, «Исторія московской духовной академіи». М. стр. 47—50. 390. и др.

комитетѣ. Онъ былъ магистромъ перваго курса московской академіи, въ 1828 году принялъ священство, въ слѣдующемъ получилъ санъ протоіерея московскаго Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря. Въ 1854 году по слабости здоровья уволился отъ службы въ академіи, скончался въ Костромѣ 22 августа того же года, на 57 году отъ рожденія. Въ 1868 году напечатаны его лекціи по умозрительному богословію, въ 1871 году— умозрительная психологія.

Изъ трехъ печатаемыхъ ниже писемъ Ѳ. А. къ С. Д. Нечаеву въ одномъ содержатся любопытныя автобіографическія указанія, а въ двухъ другихъ заключаются интересныя сужденія о цензурѣ и о тѣхъ, такъ сказать, полусвѣтскихъ статейкахъ для духовнаго чтенія, которыя такъ распространены въ Англіи.

Ваше превосходительство,

милостивѣйшій благодѣтель мой!

Приношу глубочайшую благодарность за милостивое ваше вниманіе ко мнѣ и попеченіе о благоустроеніи судьбы моей. Тягостно для меня не оправдать ожиданій вашего превосходительства: но отношенія мои къ здѣшней академіи заставляютъ меня отвѣтствовать на милостивое ваше предложеніе, что я не могу принять на себя обязанности, которую ваша благодѣтельная рука мнѣ указываетъ. Я обѣщалъ архипастырю нашему окончить и изготовить къ напечатанію переводъ двухъ довольно большихъ, полезныхъ для класса философскаго, книгъ, именно: *Прикладной логики І. М. Зиглера*, и *Ученія о счастіи*, того-же автора. Болѣе нежели двѣ трети сихъ переводовъ уже приготовлены; остальное я долженъ довести до конца. Сверхъ того, я обязанъ написать *Исторію философіи*, которой почти половина еще не обработана мною [1]). Послѣ того, какъ я столь долгое время пользовался милостями и довѣренностію начальства, пекущагося о благѣ академіи, мнѣ стыдно оставить академическую службу, не оставивши никакихъ слѣдовъ, сколько нибудь полезныхъ для воспитанниковъ духовныхъ училищъ. Тѣмъ болѣе чувствую я нужду послужить еще, сколько могу, при академіи, потому, что старшій баккалавръ философіи, преподававшій здѣсь въ теченіе восьми лѣтъ,

[1]) Ѳ. А. скончался, не окончивъ этого труда.

сначала исторію философіи, потомъ психологію и метафизику, и снискавшій довольно опытности, Архидіаконскій, недавно уволенъ отъ академіи по болѣзненному состоянію. За посильные труды мои я награжденъ довольно,—можетъ быть гораздо больше, нежели сколько заслуживаю. На нужды въ содержаніи семейства не могу пожаловаться [1]). Такимъ образомъ, и данное обѣщаніе, и долгъ благодарности, и обезпеченіе въ нуждахъ житейскихъ побуждаютъ меня желать посвятить еще нѣсколько лѣтъ службѣ при академіи, ежели то начальству будетъ угодно.

Простите меня великодушно, досточтимый благодѣтель мои, что не могу изъявить согласія на милостивое предложеніе ваше.

Съ чувствованіями глубочайшей признательности и почтенія до гроба мой пребуду, милостивѣйшій государь, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга протоіерей *Ѳеодоръ Голубинскій*.

Ноября 17-го дня 1835 года.

Ваше превосходительство,

незабвенный благодѣтель мой!

Чувствительнѣйше благодарю васъ, что вы посѣтили меня словами участія и утѣшенія въ скорби моей. Истинно сказанное вами, чтобы держаться за руку милующаго Господа. Прежде это было для меня менѣе ощутительно, почти незнакомо: но посѣщеніе Божіе придало малодушному сердцу больше дерзновенія въ молитвѣ, больше упованія и увѣренности въ милосердіи Господа, всѣхъ любящаго, и больше желанія къ исправленію жизни. Только, сохрани Боже, чтобы не заглохли сіи, едва возникшія расположенія духа!

Рукопись Ал. Ск. Стурдзы я разсмотрѣлъ, гдѣ нужно исправилъ, и завтра представлю съ мнѣніемъ въ цензурный комитетъ. а 18-го мая, надѣюсь, она будетъ возвращена сочинителю съ одобреніемъ къ напечатанію. Только боюсь не угодить ему: мѣстахъ въ пяти оказалось нужнымъ исключить его сужденія. Такъ. напримѣръ. въ одномъ письмѣ онъ изо всѣхъ силъ вооружается противъ духовныхъ трактатцовъ, переводимыхъ съ англійскаго, находитъ въ нихъ „пестроту, несвязность, плоскость слога и вымысловъ. Я развернулъ, пишетъ, одну книжонку: *о средствахъ къ освященію*. Тутъ совѣтуетъ безъименный проповѣдникъ: молитву, чтеніе слова Божія, хожденіе во храмъ, духов-

[1]) Кромѣ профессорскаго жалованья, Ѳ А. получалъ 800 р по должности цензора и съ 1845 г. имѣлъ казенную квартиру.

ное пѣніе, назидательныя бесѣды, сердечное обращеніе къ Богу; но пропускаетъ многое и важное, именно: исповѣдь и причащеніе... То, чего въ книжкѣ нѣтъ, обличаетъ въ полной мѣрѣ ненадежность подобныхъ вѣроучителей. Они не вожди намъ, ибо давно лишили себя и насъ хотятъ лишить безцѣннаго участія въ двухъ таинствахъ... Главный недостатокъ въ трактатцахъ состоитъ въ томъ, что обращеніе кающихся грѣшниковъ изображается въ видѣ внезапной и всецѣлой перемѣны нашего существа, совершающейся безъ малѣйшей постепенности. Не явный ли это поводъ къ самопрельщенію и безпечности въ дѣлѣ спасенія? Писатели, находясь подъ гнетомъ кальвинскаго ученія о неутратимости примиренія и спасенія, усиливаются подкрѣпить свой догматъ невѣрными наблюденіями или вымышленными разсказами. Увы!.. Ежели сіи чудесныя обращенія истинны, то надлежало бы облечь ихъ доводами. Если же это одни благочестивые вымыслы, то писатели грѣшатъ"... и проч. Какъ могу я содѣйствовать къ обнародованію такихъ несостоятельныхъ подозрѣній и придирокъ? Какъ могу способлять инквизитору въ прегражденіи тѣхъ благодѣтельныхъ каналовъ, которыми многія сотни дѣтей и простосердечныхъ людей возбуждаются къ обращенію отъ грѣховъ? Ругаться надъ ними не значитъ ли пойти противъ благодати, безчисленными сѣтями уловляющей сердца, и способствовать къ ложному спокойствію совѣсти? Нѣтъ, хотя бы сочинитель и сталъ жаловаться высшему начальству на цензуру, убѣжденіе совѣсти и страхъ, чтобы не укорить Духа благодати, не позволяютъ мнѣ согласиться съ нимъ въ этой полемикѣ.

Съ глубочайшею преданностію и высокопочитаніемъ имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою *Ѳеодоръ Голубинскій.*

Мая 14-го дня 1841 г

Ваше превосходительство,

незабвенный мой благодѣтель,

Стефанъ Дмитріевичъ!

Долгомъ почитаю донести вамъ, что IV-я книга *Писемъ* Ал. С. Стурдзы *о должностяхъ священнаго сана* одобрена цензурою и отослана на его имя въ Одессу 30-го іюня сего года. Ранѣе не могъ я отправить ее, частію потому, что ожидалъ на сіе личнаго дозволенія отъ преосвященнаго митрополита, которое и получилъ 27-го іюня, частію по причинѣ множества заботъ,

стекшихся по случаю окончанія курса. О чемъ я и писалъ къ Александру Скарлатовичу.

Чувствительнѣйше благодарю васъ за дорогой подарокъ, три книжки *Разсказовъ*. Это живой голосъ добраго сердца, который найдетъ отголоски во многихъ душахъ читателей, и вѣрно всѣ сіи разсказы основаны на истинныхъ событіяхъ. Англичане опередили насъ въ семъ родѣ назидательныхъ извѣстій; давно бы пора русскимъ собирать съ своей благоплодной, богатой добромъ почвы подобные свѣжіе и прекрасные цвѣтки.

А васъ, распорядителя, и поощрителя, и споспѣшника на Божіемъ нивѣ благотворенія, да сподобитъ Господь болѣе и болѣе приносить жертвъ на алтарь святаго человѣчества, и нѣкогда услышать вожделѣнный гласъ: *добрый и вѣрный рабе! въ маломъ ты былъ вѣренъ; надъ многимъ тебя поставлю; внеди въ радость Господа твоего.*

Съ симъ душевнымъ желаніемъ и глубочайшею преданностію и почтеніемъ имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою *Ѳеодоръ Голубинскій.*

Іюля 21-го дня 1840 года.

III.

Письма архимандрита Фотія.

Имя юрьевскаго архимандрита Фотія въ свое время, можно сказать, положительно гремѣло по всей Россіи, да и теперь оно еще не вышло изъ словаря разговорной рѣчи и не сошло со страницъ повременной печати. То положеніе, какое занималъ Фотій въ современномъ ему обществѣ благодаря особымъ свойствамъ своего характера и безусловной преданности ему богатой графини А. Г. Орловой, было настолько оригинальнымъ, что едва ли можно встрѣтить повтореніе его въ исторіи. До настоящаго времени историческій взглядъ на Фотія нельзя назвать не только установившимся, но и сколько нибудь опредѣленнымъ. Печатаемыя ниже письма Фотія имѣютъ исключительно автобіографическій интересъ [1]).

Радуйся и веселися, Стефане, о Господѣ, возлюбленне, ра-

[1]) Интересная автобіографія архимандрита Фотія печатается въ «Русской Старинѣ».

дуйся ты, мужъ боголюбивый и христолюбивый, радуйся купно съ нами, якоже и мы съ тобою,—*яко съ нами Богъ*!—Ты предварилъ меня твоимъ писаніемъ, пища знаменія любви твоей ко мнѣ убогому и недостойному рабу твоему: ублажая же тебя, домъ твой, съ правдою созижденный, твое все, Богу любезное, я тебя за любовь твою любовію о Господѣ почитая благословляю тебя не во инъ день, а въ день пресвѣтлый Господень, въ онь же ангелы поютъ „слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе“, въ онь же день явися, яко *съ нами Богъ нашъ*,—отцевъ нашихъ Господь хвальный и препрославленный. Не сердце ли мое во мнѣ нѣкогда вѣщало, яко съ тобою есть Господь? Пришелъ я въ домъ твой видѣть тебя и всѣхъ твоихъ, и твоего херувима во плоти видѣлъ, видѣлъ на тебѣ Божіе благословеніе, и на твоемъ домѣ, видѣлъ. яко съ нами Богъ, и съ тобою Господь былъ въ дому твоемъ: сердце твое, отрыгнувшее глаголъ благочестія и предивнаго смиренія, мнѣ въ сердце вѣщало, яко Господь тебя не оставитъ и Богъ милости и щедротъ тебя благословляя благословитъ Своимъ благословеніемъ, земнымъ и небеснымъ: да узришь ты благая Іерусалима во вся дни живота твоего; да по имени твоему и житіе твое да будетъ на пользу святыя и православныя Церкви; ты сынъ ея, и отъ сосецъ преслалкаго ученія ея воспитанъ; и дѣла твои нынѣ являютъ, что ты сынъ ея возлюбленный. Да напишется имя твое въ книгахъ живота, да будетъ путь твой предъ Богомъ, яко путь правды и славы Божіей; да почіетъ Божіе благословеніе съ тобою, и на твоей женѣ, и чадахъ, и домочадцахъ; и да будешь ты благословенъ отъ Бога и человѣкъ. Тако за любовь твою о Господѣ тебя любя благословляю, тако ублажаю и поздравляю въ день пресвѣтлаго праздника Христа Бога нашего, о Немъ же есмь тебя на вѣки возлюбившій твой всенижайшій послушникъ убогій и недостойный чернецъ Ю. А. [1]) *Фотій*.

Декабря 24-го дня 1831-го года.

Радуйся, о, мужъ предостойный и мудрый, радуйся о Господѣ, въ твоемъ званіи и служеніи! Высоко и велико мѣсто есть, на немъ же ты поставленъ отъ Вышняго служить нынѣ. Святѣйшее есть мѣсто и собраніе. Убо да будетъ и слово и дѣло свято въ назиданіе общее, а для сего молю Бога, да будетъ на тебѣ духъ Господень, духъ премудрости и разума, духъ вѣдѣнія и благо-

[1]) Т. е юрьевскій архимандритъ.

честія и страха Божія: и тай да наставитъ тя на истину. Сей есть Единъ Кормчій Истинный, вездѣ сый и вся исполняяй. О! да не мнитъ чій умъ, что смертенъ кто либо правитъ кораблемъ Христовымъ, иже есть святая Церковь! Самъ Христосъ въ немъ есть и Духъ Святый со Отцемъ Богомъ. Общій Кормчій да управитъ и тебя къ Своему дѣлу и введетъ въ царствіе небесное и явитъ величіе Божіе.

Слышу, что дщерь моя о Господѣ [1]) была тебя привѣтствовать: пишетъ мнѣ о семъ, и о томъ, да добрѣ я сотворю, аще тебѣ благословеніе пришлю. Кое же благословеніе тебѣ пришлю? Ты милостію Божіею поставленъ на мѣсто сіе служить, то я тебѣ и милосердія источникъ посылаю, икону Пресвятыя Дѣвы Богородицы, во пречистыхъ объятіяхъ держащую Отрока Іисуса Христа Спаса Господа, а не Младенца. Исполненъ ты еси разума добраго, и духа имѣешь по благодати: пріими съ вѣрою *благословеніе Божіе*, кое азъ посылаю тебѣ, рабъ Господа Іисуса; съ сею иконою по мѣрѣ, вѣрѣ, будетъ тебѣ благодать Божія Матере. Не ищи, о, добрый мужъ и свѣтлый, отъ старца меня дописанія и витійства. Да мню, что сіе тебѣ и не нужно. *Благословеніе Божіе* тебѣ нужно, то оное азъ тебѣ и посылаю и, тебя знаменая во имя Господне, пишу рукою моею тебѣ вопія: радуйся, Господь съ тобою! И аще благословляя благословишь Господа, и Той благословитъ тя, и ущедритъ тя, и просвѣтитъ тя, и спасетъ и помилуетъ, и узриши благая Господня. Радуйся.

Благословляющій тебя о Господѣ твой рабъ убогій недостойнѣйшій во архимандритахъ, многоболѣзненный *Фотій*.

Мая 13-го дня 1833-го года.

Прости, что такъ пишу не ясно, немощенъ есмь. Написавъ и перечесть не могу,—и тако посылаю. Вѣмъ бо, яко тебѣ духъ и сила нужны, а не словеса.

О, благоразумне и премудре!

Не мни, что я тако пишу, льстя: тотъ, иже пишетъ, не обрѣтеся лесть во устѣхъ его, по силѣ его дѣйствъ во славу Божію; не имѣетъ нужды никому льстить ни въ чемъ: вся имѣетъ отъ Бога; ни слова, ни дѣла ни въ какихъ нуждахъ той не будетъ имѣть, съ нимъ же нѣсть Бога, и во устахъ обрѣтается у кого ложь въ сердцѣ, на устахъ же лесть яко медосладость.

---

[1]) Графиня Орлова.

Тебѣ же, что пишу, яко рабу Божію пишу, яко ангелу, посланному свыше на время свое; не можетъ никто ничего дѣлать, аще не будетъ дано свыше, а паче всего, что благо, велико же предъ Богомъ. Малое предъ человѣками, но великое есть предъ Богомъ. Похвала Богородицы паче всего Богу слава, Христу величаніе, святымъ пѣснь; тѣмъ же и азъ пою пѣснь Богородицѣ, величитъ душа моя Господа въ Ней; Ее, Матерь Божію, ублажаемъ, то и въ Бога вѣру, Отца и Сына и Св. Духа имѣемъ, устами исповѣдуемъ: въ купинѣ первое видѣніе великое было Божіе, знаменіе Богородицы, а въ святителѣ христіанинѣ, боголюбцѣ и всякомъ благочестивомъ, честь, любовь, хвала, слово и дѣло о Божіей Матери. Се камень пробный всякаго видѣть явно вѣру и слышать правду, и кого духа есть: аще отъ Бога, или отъ міра сего есть. Что пишу тебѣ, ублажая тебя, Стефане преименитe, чувствъ обилія любви сердечной изливаю, а не воздухъ словами бію, и хартію мараю: я же пишу, и на небесахъ то мнѣ въ честь напишетъ рука Божія, да пріиму за сіе малое мое послуженіе мзду, и вси меня послушающіе, а ты первый, яко власть попечительная по Возѣ, предъ цари и владыки поставленная, о всѣхъ и за вся. Велико твое служеніе: архангелоподобное предстательство на земли. Аще ты послужишь, якоже дадеся тебѣ благодать и сила, велико будетъ имя твое, и мзда твоя многа на небесѣхъ. Истину тебѣ глаголю, и пишу дѣло и слово Господне на благо Церкви святыя, царства, для всѣхъ и каждаго. Да будетъ по имени твоему служеніе твое, и по служенію о Христѣ житіе: Господь съ тобою, Христосъ посредѣ насъ: съ нами Богъ! Да снидетъ на тя Божіе благословеніе и благоволеніе нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

7-го Ноября 1833-го года.

Сун. Г. О. П. С. Д. Н.

Вѣнценосецъ именитый по благодати!

Странный вѣнецъ, не сплетенный моими руками, но отъ древнихъ лѣтъ видѣнный, съ первыхъ вѣковъ христіанства извѣстный, употребляемый, давно кое-гдѣ хранящійся въ сокровищахъ церковныхъ, но мною обрѣтенный, добрѣ разсмотрѣнный, яко драгоцѣнный, славный, прекрасный, готовый представляю предъ лице на судъ святѣйшаго собора, идѣже Богъ Святый судилъ тебѣ быть и служить въ свою чреду. Странное чудо но преславное, похвалу странную огненеопальная купины службу, образъ ея, Владычицы, и нужное на среду извожу; да благодати же-

лающіе и славы у Бога, молитвами же Богородицы просящіе, явятъ свою благодать здѣсь на земли къ Богородицѣ, да тамо на небесахъ сугубо получатъ благодать возблагодать и славу вѣчную,—вѣнецъ правды.

Премудрый, по имени своему и житію и служенію твоему, возлюби сплетенный вѣнецъ отъ святыхъ похвалы, образу Богородицы Купины Неопалимой, и буди предстателемъ, гдѣ тебѣ Богъ далъ быть, и послалъ тебя яко единаго во плоти отъ ангелъ Своихъ съ пламенною любовію ко всякому благу святыя Церкви Божія, коя есть живая, первая, святѣйшая, всеблагодатная, преславная, чудесъ исполненная Божія Матерь, одушевленныи животъ святыни и престолъ Царя славы Христа, держащая Младенца Его, якоже образъ показуетъ, Превѣчнаго Бога, спасенія нашего ради явльшагося на земли и Собою все совершившаго, и рай отверзшаго, древнее насажденіе, Божіе видѣніе, божественное чудо, благодать и славу. Се вѣнецъ славы, образъ благодати, чтобъ елико возможно всѣмъ вѣрнымъ, въ свое время, похвалу Пресвятыя плести, воспѣвать, ублажать Ее, Матерь Свѣта и Живота, Бога Слова рождшую, сущую Богородицу! Нѣтъ ничего болѣе на земли, какъ похвала Богородицы, и вреднѣе, какъ хула и презрѣніе Ея образа, благодати, чудесъ и славы. Чудо чудесъ, паче ума и разума, всякаго слова и естества, рождество нетлѣнно Богородицы явися: якоже воздухъ полетомъ и теченіемъ раздѣляется на свой часъ отъ тѣлъ, огонь и пламень раздѣляется отъ проведенія мгновеннаго руки чрезъ нихъ, вода отъ прешествія и раздѣленія, тако рождество бысть Сына Божія изъ Приснодѣвы Матери Маріи: прежде прехода Израиля чрезъ воре, была вода непроходна, и по преходѣ бысть вода такъ же непроходна, нераздѣлима: тако бысть прежде рождества Дѣва, мъ рождествѣ Дѣва и по рождествѣ Дѣва. Паче всѣхъ знаменій въ Купинѣ Неопалимой было знаменіе Богородицы: образъ паче всѣхъ изображеній, явленій чудотворныхъ, Богородичный, единъ святолѣпнѣйшій, совершеннѣйшій, полный образъ Богородицы, Купины Неопалимыя. Сія драгоцѣнность вѣковъ и древнихъ и новыхъ лежала доселѣ по смотрѣніи въ хранилищахъ церковныхъ: церковный вѣнецъ сей славы имѣетъ чудные на себѣ духовные небесные камни драгіе, пресвѣтлые. Бездна ума, разума, славы и видѣнія великаго на образѣ Купины.

И такъ, Стефане, прехвальне о похвалѣ Пресвятыя Купины Неопалимыя, благоволи также по силѣ сотворить благо, якоже и я, отъ силъ моихъ слабыхъ, посильное творю, и всѣхъ, кого

должно, молю, и тебя наче, яко ухо, око, ногу, руку, сердце и умъ, и все первое въ дѣлахъ духовныхъ и по Возѣ вѣрнымъ. Буди милостивъ и здравъ на службу многу.

Твой слуга, богомолецъ и отецъ убогій священно-архимандритъ *Фотій* [1]).

Ноября 7-го дня 1833-го года

Г Оберъ-Прокурору Св. Сунода. С. Д. П.

Радуйся, и пріими съ радостію даръ, яко благодать: посылаю бо тебѣ радость радостей: елико хощешь, толико по мѣрѣ вѣры и будетъ тебѣ.

Се! Благоуханный цвѣтъ земный и съ нимъ вкупѣ небесный, пречистый, цѣльбоносный, райскій, словесный. Пріими милость Божію любезнорадостно.

Ты болѣе чувствуешь, нежель мнѣ изъявилъ, какъ тебѣ драгоцѣнна твоя супруга: добро ты сказалъ, како ей послѣ небеснаго врачеванія было облегченіе неожиданно. Добра вѣра твоя, а велія вѣра твоя обрящетъ здравіе ей совершенно, аще вѣруешь и хощешь, и якоже благоволитъ благодать Божія сотворить. — Единъ есть Врачъ душъ и тѣлесъ, небесный Утѣшитель: Онъ безъ всего все даруетъ вѣрующимъ. Посылаю тебѣ сокровищницу церковную, посмотри и внимательно пройди строки части 4-й, главу четвертую на десять (14-ю), стр. 58, 59, 60, 61 и до 67-й; не много требуется времени, молю тебя и прошу, прочти, можетъ быть тебѣ будетъ и полезно и любезно, а я думаю, что не совсѣмъ досель извѣстно, крайнее искомое и вожделѣнное сокровище. Твое сердце тебѣ речетъ, что нужно, полезно, и то ты сотворишь во утѣшеніе души своея и всѣхъ своихъ и присныхъ. Я было хотѣлъ дать въ запасъ на весь путь здравыя пищи и питія: т. е. просвирныхъ сухарей банку для жены, отъ моего ежедневнаго служенія остающихся, и сдѣланныхъ изъ просвиры, называемой Богородицыной, и еще малую стклянницу святыя, живоносныя и цѣльбоносныя воды богоявленскія, которая николи не портится и коея капія едина во все полагаемая, т. е. въ ястіе и питіе, есть цѣльбоносна: но не успѣлъ тебѣ вручить. Я вѣрующимъ и требующимъ всѣмъ раздаю, аще есть мѣсто для сего у тебя, пришлю тотчасъ тебѣ того и другого. А сіе будетъ въ благословеніе Божіе; и я желаю здравія твоему подружію благо-

[1]) На конвертѣ написано: Божіе благословеніе отъ Бога званному и избранному Боларину Стефану Д Нечаеву.

честивому. Послушай, я тебя видѣлъ въ видѣніи на день Лазарева воскресенія, т. е. въ субботу Лазареву, и всю нощь съ тобою говорилъ о твоей супругѣ; и, между прочимъ, у меня была рѣчь съ тобою дать ей святой воды, хотя по каплѣ, но во все полагать ѣломое и пемое, и елея, т. е. прованскаго масла, и вообще пищи постныя придерживаться, дабы истинно здравіе имѣть. Впрочемъ, я съ тобою говорилъ, ее не видалъ, въ видѣніи совѣтъ подавалъ, а въ сей день и часъ пишу тебѣ и объявляю. Усердіе мое во благо и благословеніе есть, а дѣло отъ тебя зависитъ: твори якоже хощешь и знаешь; я же желаю тебѣ истинно милости Божія и радости и супругѣ твоей здравія, — для того и пишу и благоуханный внѣшній и духовныи, земныи и Божій цвѣтъ посылаю, и книгу, въ ней же еще ты недовѣдомое узнаешь и похвалишь Бога, дивнаго во святыхъ...

Радуйся, Господь съ тобою, миръ вамъ всѣмъ [1]).

1834 г. 12 Іюня.

Радуйся!

Ежели тебѣ нужна книга будетъ и полюбится написаніе объ исцѣленіи, можешь оную взять съ собою въ путь: дарю оную. А ежели мѣста у дорожнаго не будетъ, то оставишь, и мнѣ будетъ возвращена: особенно, ежели все замѣтишь на память.

Мира, здравія и спасенія желаю. Ты желалъ имѣть образъ святый отъ моея худости сыну твоему младенцу, кому ты и имя святое далъ въ честь святаго обители и самыя обители [2]): и посылаю я тебѣ, возлюбленне брате, предостойнѣйшій мужъ, образъ не человѣка, а небеснаго, святаго ангела хранителя: на немъ изображенъ *ангелъ хранитель ведетъ душу къ Богу и хранитъ въ пути.* Се тебѣ благословеніе Божіе за любовь твою къ моему недостоинству, пріими и благослови въ благословеніе, кому ты вѣдаешь. Да будетъ Господь съ тобою. Посылаю я намѣстника моего по надобностямъ, и съ нимъ образъ ангела хранителя. Миръ тебѣ. Радуйся. + + +.

Твой недостойный, послѣдній грѣшный послушникъ и богомолецъ юрьевскій архимандритъ *Фотій.*

Новгородъ. Ю. монастырь. Сентября 9-го дня, 1835-го года.

---

[1]) Слѣдуютъ три креста и неразборчивая, сокращенная подпись

[2]) Юрій Степановичъ Нечаевъ-Мальцовъ, гофмейстеръ.

IV.

Письмо А. С. Пушкина.

А. С. Пушкинъ знакомъ былъ съ С. Д. Нечаевымъ гораздо ранѣе даты печатаемаго письма; вѣроятно оба они встрѣчались, какъ литераторы, на какихъ либо собраніяхъ. Но знакомство это, повидимому, было не короткое, хотя и дружественное. Въ бумагахъ Нечаева сохранился пожелтѣвшій лоскутокъ, по всей вѣроятности конца двадцатыхъ годовъ, писанный рукою Пушкина, въ которомъ Александръ Сергѣевичъ, называя Степана Дмитріевича Сергѣемъ Дмитріевичемъ, проситъ „возвратить не посылку, а письмо“.

Милостивый государь.

Степанъ Дмитріевичъ,

Осмѣливаюсь прибѣгнуть къ вашему превосходительству со всепокорнѣйшею просьбою.

По волѣ государя императора протодіаконъ царскосельской придворной церкви, за нетрезвость, исключенъ изъ придворнаго вѣдомства и переведенъ въ епархіальное. По предписанію же синода, онъ долженъ быть отправленъ въ свою родную епархію. Протодіаконъ, человѣкъ уже не молодой и семейный, проситъ, какъ милости, быть оставлену въ епархіи здѣшней. Смыслъ высочайшаго повелѣнія будетъ исполненъ равно, ибо въ немъ ни слова не было сказано о томъ, чтобъ на *свою* епархію отправить его.

Протодіаконъ, не знаю почему, отнесся ко мнѣ, полагая, что слабый мой голосъ удостоится вашего вниманія. Во всякомъ случаѣ, я не могъ отказаться отъ ходатайства и препоручаю моего кліента вашему великодушному покровительству.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ [1]).

12 февраля 1834 г.

---

[1]) На письмѣ надпись рукою С. Д. Нечаева карандашомъ: «прислать ко мнѣ состоявшееся о немъ повелѣніе». И затѣмъ другая замѣтка: «данъ паспортъ для слѣдованія въ смоленскую епархію». Рѣчь идетъ о протодіаконѣ Ѳеодорѣ Ѳеодотовичѣ Лебедевѣ Уроженецъ смоленской губерніи, сынъ священника, онъ обучался въ смоленской семинаріи «до поэзіи». Послѣ того, съ іюня 1799

до 1816 г служилъ въ смоленской епархіи: сначала дьячкомъ въ с. Семеновскомъ, гжатскаго уѣзда, затѣмъ дьячкомъ благовѣщенскаго собора въ г. Гжатскѣ и наконецъ дьякономъ въ томъ же соборѣ Въ 1816 году, 18 апрѣля, состоялось высочайшее повелѣніе: «вытребованнаго изъ г. Гжатска благовѣщенской соборной церкви діакона Ѳеодора Лебедева опредѣлить въ придворный соборъ (т. е. въ соборъ Зимняго дворца) діакономъ же, съ производствомъ жалованья и другихъ окладовъ противу прочихъ изъ кабинета, впредь до помѣщенія въ штатное число». Въ протодіаконы этого собора Лебедевъ былъ произведенъ 26 марта 1819 года. Въ 1829 году, съ высочайшаго соизволенія (9 марта), изъ собора Зимняго дворца Лебедева перевели въ царскосельскую придворную церковь. Въ слѣдующемъ, 1830 году, 18 августа, вслѣдствіе сообщенія протопресвитера П. В. Крницкаго министру императорскаго двора о томъ, что Лебедевъ, «имѣя наклонность къ пьянству, часто бываетъ боленъ», высочайше повелѣно было: «протодіакона царскосельской придворной церкви Ѳеодора Лебедева, за нетрезвую жизнь, обратить въ смоленское епархіальное вѣдомство, съ попиженіемъ сана, и имѣть тамъ строгій надзоръ за его поведеніемъ». Затѣмъ сдѣланы были и распоряженія объ отправленіи Лебедева въ Смоленскъ. Но 1 сентября 1830 г. государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ—означеннаго протодіакона Лебедева оставить при царскосельской придворной церкви еще на четыре мѣсяца, но съ тѣмъ, что ежели онъ замѣченъ будетъ въ пьянствѣ, то уже записанъ будетъ въ рядовые. Послѣ этого повелѣнія Лебедевъ удерживался на мѣстѣ еще три года. Въ послужномъ спискѣ за это время аттестовали его такъ: «поведенія порядочнаго». Наконецъ 9 октября 1833 года министръ императорскаго двора сообщилъ протопресвитеру П. В. Крницкому и оберъ-прокурору С. Д. Нечаеву, для надлежащаго исполненія, что государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: протодіакона царскосельской придворной церкви Ѳеодора Лебедева, за неприличное сану его поведеніе, обратить въ епархіальное вѣдомство. Крницкій официально объявилъ объ этомъ Лебедеву 15 октября, а 5 ноября, вслѣдствіе указа св. синода, предписалъ ему явиться въ синодальную канцелярію для полученія паспорта на слѣдованіе въ Смоленскъ. Преосвященному же Іосифу, епископу смоленскому, указомъ св. синода отъ 30 октября предписано было, «дабы Лебедевъ помѣщенъ былъ на нѣкоторое время въ архіерейскій домъ или въ ближайшемъ монастырѣ для испытанія, и по усмотрѣнію образа жизни и поведенія его опредѣленъ былъ въ соотвѣтственную оному должность, съ порученіемъ имѣть за нимъ строгій надзоръ».

Изложенныя свѣдѣнія объ о. Лебедевѣ, почерпнутыя изъ архива канцеляріи завѣдывающаго придворнымъ духовенствомъ, любезно сообщилъ мнѣ правитель этой канцеляріи, ученый издатель Завѣщанія Посошкова, Е. М. Прилежаевъ.

Сообщ. С. Г. Рункевичъ.

